

Цифры влияют на чувства — чувства вливаются в жизнь...

Этот номер нашего журнала в значительной степени гуманитарен. Мы сознательно отошли от «аппаратной части» процесса цифровизации и максимально приблизились к освещению и исследованию всестороннего влияния «цифры» на социокультурные и политические взаимосвязи в нашей стране. Расскажу вкратце о некоторых темах.

Антрополог из Санкт-Петербурга Анна Федорова обратилась к уникальному явлению — виртуальной этнической идентичности, предложила классификацию понятий в этой области и определила эффекты взаимного влияния реальной и виртуальной этничности. Близкая резонирующая тема у аспирантов юрфака МГУ Сергея Афанасьева и Анастасии Шатилиной: о проявлении и обеспечении конституционных личных и политических прав и свобод в новых условиях цифровой социальной коммуникации. Статья Людмилы Леоновой и Екатерины Сучковой из НИУ ВШЭ (Нижний Новгород) — о возможностях, сильных и слабых сторонах технологий онлайн-обучения в образовательном процессе, о международном опыте «смешанного обучения» (Blended Learning). Политолог Дмитрий Чижов проанализировал ключевые направления развития электронной электоральной демократии, в том числе перспективы развития электронных систем голосования.

PhD в психологии Александр Либин и Елена Либина, доктор экономических наук Надежда Архипова и профессор Ольга Павленко в статье «Социогуманитарные риски глобальной цифровизации общества» представили собственную программу изучения последствий «цифровой трансформации» социума. Отправной точкой в построении концептуальной схемы и выборе инструментария предлагаемого подхода послужили этические и моральные дилеммы. Предельно заострила тему «цифровых» рисков доктор философских наук Людмила Баева: виртуализация коммуникации провоцирует бегство от реальности, разочарование жизнью и эскапизм, вызывая реальные угрозы безопасности человека от так называемых «групп смерти» и «колумбайн-сообществ». Очень тревожная тема... И сюда же — кандидат педагогических наук Ольга Молчанова определила информационно-коммуникационные барьеры, возникающие в коллективах современных медиа, и изучила возможности преодоления их дисфункционального воздействия на профессионалов медиа-цеха.

«Влияние поколения Z на функционирование института медиа: прогностическая модель» — кандидат социологических наук Александр Ефанов и кандидат политических наук Владимир Степанченко предложили научно-прикладное обоснование современных трендов медиапотребления. Опираясь методом вторичного анализа данных, авторы построили прогностическую модель функционирования института медиа под влиянием медиапредпочтений и медиаориентиров поколения Z.

И опять о рисках. Кандидат философских наук Татьяна Владимирова в статье «Хакеры, цифровые активисты и блогеры: к вопросу привлечения к противодействию экстремистской и террористической деятельности в интернете» рассмотрела возможности гражданского противостояния экстремистским и террористическим группам со стороны наиболее активных и профессиональных представителей «цифрового» сообщества нашей страны.

Журнал вышел, он у Вас в руках, дорогой читатель, и ждёт, когда Вы перевёрнёте страницу этого вступления и примете результаты исследовательской работы наших уважаемых авторов!

№ 3
2019

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

УЧРЕДИТЕЛИ:

ОСНОВАН В 1989 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
РОССИЙСКАЯ ИНЖЕНЕРНАЯ АКАДЕМИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

ЕРШОВА Татьяна
Викторовна — канд.
экон. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ХОХЛОВ Юрий Евгеньевич (председатель) — канд. физ.— мат. наук, доц., акад. РИА
ОРЛОВ Степан Владимирович (зам. председателя) — канд. экон. наук
АЛЕКСЕЕВА Ирина Юрьевна — д-р фил. наук, доц.
БОГДАНОВ Александр Владимирович — д-р физ.— мат. наук, проф.
ВАРТАНОВА Елена Леонидовна — д-р фил. наук, проф.
ВЕРШИНСКАЯ Ольга Николаевна — д-р экон. наук
ВОЙСКУНСКИЙ Александр Евгеньевич — д-р психол. наук
ДЕЖИНА Ирина Геннадьевна — д-р экон. наук, проф.
ЕЛИЗАРОВ Александр Михайлович — д-р физ.— мат. наук, проф.
ЗАСУРСКИЙ Ясен Николаевич — д-р фил. наук, проф.
ИВАНОВ Алексей Дмитриевич — д-р экон. наук, чл.-кор. РАЕН
ИВАХНЕНКО Евгений Николаевич — д-р филос. наук, проф.
КОГАЛОВСКИЙ Михаил Рувимович — канд. техн. наук, доц.
КОЛИН Константин Константинович — д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ
КУЗНЕЦОВА Наталия Ивановна — д-р филос. наук, проф.
ЛАПИДУС Лариса Владимировна — д-р экон. наук, проф., акад. РАЕН
МЕНДКОВИЧ Андрей Семенович — д-р химических наук, ст. науч. сотрудник
МИРСКАЯ Елена Зиновьевна — д-р социол. наук
ОЛЕЙНИК Андрей Владимирович — д-р техн. наук, проф.
РАЙКОВ Александр Николаевич — д-р техн. наук, проф.
РУСАКОВ Александр Ильич — д-р хим. наук, проф.
СЕМЕНОВ Алексей Львович — д-р физ.— мат. наук, акад. РАН, действ. член РАО
СЕМЕНОВ Евгений Васильевич — д-р филос. наук, проф.
СЕРДЮК Владимир Александрович — канд. техн. наук, доц.
СМОЛЯН Георгий Львович — д-р филос. наук, проф.
СТРЕЛЬЦОВ Анатолий Александрович — д-р техн. наук, д-р юрид. наук, проф., засл. деятель науки РФ
ТАТАРОВА Галина Галеевна — д-р социол. наук, проф.
ЧЕРЕШКИН Дмитрий Семенович — д-р техн. наук, проф., акад. РАЕН
ШАПОШНИК Сергей Борисович
ЩУР Лев Николаевич — д-р физ.— мат. наук, проф.
ЯКУШЕВ Михаил Владимирович

ОТВЕТСТВЕННЫЙ

СЕКРЕТАРЬ:
КОПЬЁВА
Ольга Валентиновна

ДИЗАЙН-ПРОЕКТ:

КЕЛЕЙНИКОВ Иннокентий

ВЕРСТКА:

КАПУСТИН Дмитрий

Журнал зарегистрирован в Роспечати
(Per № 015 766 от 01.07.1999)

ISSN 1606-1330 (печ.), ISSN 1605-9921 (эл.)

Подписные индексы:

по каталогу Агентства «Роспечать» (красный) — 70264
по объединенному каталогу «Пресса России» (зеленый) — 84668

Адрес редакции: Москва, ул. Александра Солженицына,
д. 27, офис 410

Для переписки: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 716

Тел.: +7 (495) 912-22-29

Электронная почта: infosoc@iis.ru

Веб-сайт: www.infosoc.iis.ru

**ПУБЛИКУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПРОШЛИ ПРОЦЕДУРУ
РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ЭКСПЕРТНОГО ОТБОРА**

**1 ДЕКАБРЯ 2015 ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В НОВЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ,
РЕКОМЕНДОВАННЫХ ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИЕЙ РФ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
МАТЕРИАЛОВ КАНДИДАТСКИХ И ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.
ЖУРНАЛ ВХОДИТ В ДАННЫЙ СПИСОК С 26 ФЕВРАЛЯ 2010 ГОДА.**

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию
с редакцией.

Авторы несут ответственность за патентную чистоту, достоверность
и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических
данных, собственных имен, географических названий и прочих
сведений, а также за разглашение данных, не подлежащих
открытой публикации. При любом использовании оригинальных
материалов ссылка на журнал обязательна.

ЛЕГАЛЬНЫЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ
Пара(-)Тайп
IN LEGAL USE

В макете журнала использованы шрифты
ООО НПП «ПараТайп»

Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Бум. офсетная.
Тираж 500 экз.

Отпечатано:
ООО "МАКС Пресс", (495) 939-38-90
ООО "Фотозксперт", 115201, Москва,
ул. Котляковская, д.3, стр. 13

СОДЕРЖАНИЕ № 3 2019

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- 1 **Цифры влияют на чувства — чувства вливаются в жизнь...**

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

- 4 ФЕДОРОВА Анна Александровна **Феномен виртуальной этнической идентичности: области теоретического осмысления**

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

- 11 ЧИЖОВ Дмитрий Вячеславович **Векторы развития электронной электоральной демократии**
- 23 ЛИБИН Александр Викторович, ЛИБИНА Елена Владимировна, АРХИПОВА Надежда Ивановна, ПАВЛЕНКО Ольга Вячеславовна **Социогуманитарные риски глобальной цифровизации общества**

ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- 33 БАЕВА Людмила Владимировна **«Группы смерти» и «Колумбайн-сообщества» в онлайн культуре и реальном социуме**

ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- 43 ЛЕОНОВА Людмила Аркадьевна, СУЧКОВА Екатерина Олеговна **Использование информационных технологий для реализации модели смешанного обучения в высшем образовании**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВО

- 53 АФНАСЬЕВ Сергей Дмитриевич, ШАТИЛИНА Анастасия Сергеевна **«Цифровизация» конституционного права: личные и политические права в информационном обществе**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И СМИ

- 59 МОЛЧАНОВА Ольга Ильинична **Информационно-коммуникационные барьеры в условиях медиаконвергенции и возможности их преодоления**
- 69 ЕФАНОВ Александр Александрович, СТЕПАНЧЕНКО Владимир Анатольевич **Влияние поколения Z на функционирование института медиа прогностическая модель**

ДОВЕРИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- 74 ВЛАДИМИРОВА Татьяна Валерьевна **Хакеры, цифровые активисты и блогеры: к вопросу привлечения к противодействию экстремистской и террористической деятельности в интернете**

ИНФОРМАЦИЯ

- 80 **Abstracts**
- 84 **Наши авторы**

Феномен виртуальной этнической идентичности: области теоретического осмысления

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 16.02.2019.

ФЕДОРОВА Анна Александровна
Аспирант факультета социологии СПбГУ; антрополог, Санкт-Петербург

Аннотация

В статье представлен обзор современных социологических подходов к определению понятия «виртуальная этническая идентичность». Приводится их классификация, основанная на ключевых аспектах применения виртуальной этничности в изучении информационного общества. Среди направлений теоретического осмысления последовательно описываются проблемы соотношения реальной и виртуальной этничности, виртуального национализма и этничности транснациональных сообществ.

Ключевые слова:

виртуальная этническая идентичность, неэтничность, транснационализм.

В конце 90х годов XX века автор сетевой теории Мануэль Кастельс выдвинул тезис [1] о вероятной потере значения феномена этнической идентичности в новом информационном обществе. Согласно его концепции, в ближайшие годы стоило ожидать если не виртуального слияния разнородных этнических групп, то замены этничности набором национальной, расовой, гендерной и религиозной идентичностей.

Сегодня, по прошествии двух десятков лет, становится очевидным, что описанные прогнозы не нашли отражения в реальности, где феномен виртуальной этнической идентичности стал полноправным объектом научного дискурса. Так, термин «виртуальная этничность» включает в себя демонстрацию черт, характерных для определенных этнических общностей, реализуемую акторами в пространстве сети Интернет. Социологические аспекты рассмотрения и концептуализации данного термина варьируются от работы к работе, что позволяет выделить как минимум три ключевых подхода, в рамках которых авторы говорят о виртуальной этничности.

Первый из обозначенных подходов строится вокруг соотнесения классического, до-информационного содержания этничности с новыми условиями виртуального взаимодействия. Ко второй группе относятся работы, посвященные месту виртуальной этнической идентичности в процессах сохранения и видоизменения наций в эпоху постмодерна. В третьей категории теоретических подходов виртуальная этничность рассматривается как элемент функционирования транснациональных общностей.

В силу того, что все элементы данной классификации открывают новые грани понимания для виртуальной идентичности, комплексное рассмотрение их ключевых теоретических положений является необходимым для всестороннего понимания данного феномена.

Виртуальная этническая идентичность: новый феномен или видоизменение «старого» концепта этничности?

Рубеж XX–XXI веков, ознаменовавшийся скачком в развитии информационных технологий, стал своеобразным катализатором проблем реструктуризации определения классических социологических понятий, одним из которых выступила этническая идентичность.

Одной из первых попыток переосмысления данного понятия выступила статья Марка Постера «Виртуальная этничность» [9], где наряду с заявленным в заглавии термином фигурировали также авторские синонимы «неоэтничность» и «этничность постмодерна». Основная теоретическая задумка данной работы заключалась в попытке сопоставления новых обозначений с содержанием классического понятия этнической идентичности, получившего у Постера меткое название «племенной этничности». Технологическая опосредованность культуры, «уплотнение» глобальных потоков и коммуникативная децентрализация выступили основными различиями виртуальной этничности в сравнении с предыдущими стадиями развития феномена этнической идентичности. Действительно, авторская позиция Постера включала в себя эволюционное развитие этничности, где проявления ее в киберпространстве понимаются не как ложная форма этничности реальной, а объективно существующий новый этап в развитии, вызванный электронно-опосредованной коммуникацией. Благодаря электронной опосредованности постмодернистская этничность по Постеру переходит в так называемый «информационный режим»: конфигурацию, где пространство, время и человек (как сумма разума и тела) переходят из действительного, реального состояния в сложно-неопределенное.

Теоретические выкладки Постера о месте этнической идентичности человека в информационном обществе получили продолжение в работах Леи Макфадейн [6], рассмотревшей проблематику виртуализации этничности с позиций конструктивистского подхода. Поддерживая тезис Постера о неправомерности понимания виртуальных проявлений идентичности как ложных и неаутентичных, Макфадейн предложила пересмотреть основания оппозиции реальное-виртуальное за счет постановки вопроса об их взаимопроникновении. Приводя в пример теорию Андерсона о воображаемых сообществах, а также историю классических диаспор, автор выдвигает мысль о том, что основания «до-информационной» этничности всегда имели под собой большую долю виртуальности, в то время как смена парадигмы в сторону распространения интернета лишь создала новое пространственное измерение социальной жизни, воспринимаемое актерами не менее важным, чем его реальный эквивалент. Впрочем, в отличие от эволюционного взгляда на феномен этничности, Макфадейн видит возможности сосуществования его классической и виртуальной форм без обязательной замены одного другим.

Феномен тесной взаимосвязи реальных и виртуальных проявлений этничности нашел свое отражение и в теории гео-этничности, кратко сформулированной коллективом авторов в работе «Этничность, место и коммуникативные технологии» [5]. На основе проведенной полевой работы, в тексте производится синтез понятий виртуальной и реальной этнической идентичности в гибридный

термин «контекстная этничность», описывающий комплекс факторов среды (конкретного места и времени пребывания актора), влияющих на его виртуальную этническую репрезентацию. Уровень социального капитала как результат одобрения этнической принадлежности актора внутри и вне его сообщества, а также экономический капитал по логике авторов прямо влияют на детальность демонстрации им собственной виртуальной этнической идентичности.

Иной подход к проблеме соотношения классической этничности с этничностью постмодерна был предложен в работах Лизы Накамура [8], раскрывшую «темную сторону» деградации этно-расовой идентичности в виртуальном пространстве. Заявляя о текучести и маргинализации идентичностей в потенциально-анонимных сегментах интернета, автор вводит в оборот термин «кибертип» (составное от киберпространства и стереотипа). Как следует из морфологии нового термина, виртуальная этничность и расовая категоризация рассматриваются Накамурой как чрезмерно упрощенные, карикатурные, а помимо того — идеологически-конструируемые в угоду стандартному интерфейсу, отвечающему «обывательской культурной логике». Стоит отметить, что речь в данном случае идет о современном для написанной работы интерфейсе Web 1.0 (типичном дизайне сайтов, характерном для интернета конца 90х — начала 2000х годов, где действия пользователя ограничиваются рамками, выстроенными владельцами и модераторами сайтов), лишавшем пользователей возможности заявлять о своей этничности вне имеющихся на сайте категориальных рамок. Помимо акцента на дискриминационной составляющей виртуального пространства этно-расовой идентичности, теория кибертипов также содержит понятие «этнического туризма». Его содержание описывает комплекс ситуаций, когда акторы в виртуальном пространстве при наличии возможности намеренно заявляют о чужой для себя этнической принадлежности в силу конформности (характерно для маргинальных этнических групп, опасющихся раскрывать свою реальную идентичность) или любопытства (выбор экзотических этничностей).

Подводя промежуточный итог соотношению классического понимания этничности и ее виртуального прототипа, следует отметить, что все ведущие авторы в данном теоретическом поле сходятся на правомерности выделения виртуальной этничности как отдельного концепта, отвечающего особенностям функционирования информационного общества постмодерна. В то же время, между теоретиками внутри направления остаются разногласия относительно воздействия виртуальной этнической идентичности на функционирование этничности во вне-виртуальном пространстве.

Виртуальная этничность как инструмент создания и разрушения этно-национальных общностей

С точки зрения проблемы теоретического рассмотрения феномена этнической идентичности в информационном обществе не менее интересен вклад группы исследователей национализма. Несмотря на то, что один из главных теоретиков данного направления Бенедикт Андерсон уже был отмечен нами в связи с работой Леи Макфадейн, наибольшую актуальность представляют теории его последователей, заставших феномен виртуализации этничности в момент его распространения.

В первую очередь таковым является Томас Эриксен, продолживший изыскания Андерсона и Эрнеста Геллнера в аспекте механизмов сохранения устойчивого состояния национального государства. В полемике с адептами теорий деструктивной роли интернета в социокультурной интеграции наций, Эриксен выдвигает тезис [3] о росте мобильности и интернете как новых условиях управления ресурсами идентичности. Описывая проблематику актуальности виртуальной этничности, автор говорит о группах, имеющих запрос на реализацию этнической идентичности в связи с вне-виртуальными обстоятельствами собственной жизни, как-то нестабильная политическая ситуация или миграция. Подобные категории акторов имеют большой шанс к формированию идентичностей, которые Эриксен называет неустойчивыми и сложносоставными в виду их неопределенного статуса внутри нации. Эриксен подчеркивает, что осуществляемые властными структурами проекты гомогенизации этно-национальных идентичностей в реальности зачастую находят свое отражение, в том числе в виртуальном пространстве в виде кооперации на основе локальной этнической идентичности, выливающейся в «интернет-национализм». Для описания содержания данного термина в работе приводится классификация видов виртуальной кооперации по этно-национальному признаку, включающая:

1. Поддерживаемый на государственном уровне национализм (ситуации, где государство использует виртуальное пространство для объединения населения по этно-национальным признакам).
2. Суррогатную кооперацию (виртуальные объединения этнических групп, чувствующих собственную маргинальность внутри страны проживания, но не осуществляющих реальных планов по созданию собственных государств).
3. Национализм, предшествующий независимости (объединения этно-национальных групп, которые продвигают через сеть Интернет реальные планы по достижению независимости).
4. Мультикультуральный национализм (виртуальные связи представителей диаспор, которые продолжают поддерживать контакт со страной исхода, не испытывая интереса к этно-национальной политике принимающего государства).
5. Оппозиционный национализм (антиправительственные этно-национальные организации в сети Интернет, ставящие своей целью захват власти в существующем государстве).
6. Китайская форма актуализации виртуальной диаспорной этничности (виртуальная кооперация представителей диаспор, активно поддерживающих связи между анклавными, но практически не связанными с государством исхода).

Создание приведенной классификации на взгляд Эриксона отражает дуализм, присутствующий этно-национальной идентичности в виртуальном пространстве: в то время как с одной стороны интернет-ресурсы создают механизмы тесной связи по признакам

этничности и национальности, с другой стороны, в отличие от классического Геллнеровского национализма, новые виртуальные формации занимают пересекающиеся в географическом и социальном смысле пространства, что становится причиной их нестабильности.

Более упрощенный вариант группировки по этно-национальному признаку в сети Интернет был предложен в работе «Виртуальная этничность и цифровые диаспоры» Катерины Диамондаки. Построив фокус своей теории вокруг проблематики формирования идентичности участников этнических групп и сообществ в виртуальной среде, автор выделила три основных категории данных сообществ по признаку наличия у них государственности и описала механизмы консолидации внутри каждого из них:

1. Нации с государством, для которых характерно распространение принципов стабильной виртуальной этничности, построенной на элементах реально существующего государства — его символике, доминантных мифах об образовании нации, общей истории.
2. Региональные этнические группы без государств, продуцирующие дискурс общей истории и дальнейшего разъединения, позволяющие им заручаться поддержкой иных этно-национальных общностей и претендовать на самоопределение как а реальном, так и в виртуальном пространстве.
3. Нации без государства — классические диаспоры, для которых интернет стал территорией для образования виртуальных государств, основанных на системе связей между анклавами.

Принимая во внимание элементы данной классификации, несложно заметить, что все они исходят из проблем этнического самоопределения, характерных для до-информационной эпохи, однако по задумке Диамондаки виртуальное пространство должно стать для них новой «зоной схождения», в терминологическом смысле означающей технологически-опосредованные пространства, где групповая этничность проявляется за счет разделяемых смыслов, коллективной памяти и актуальных для группы элементов этно-национального диалога. В то же самое время концепция зон схождения на взгляд автора не лишена и практических недостатков, свойственных виртуальной этничности — а именно неструктурированности и одномоментности.

Технологический аспект влияния виртуализации этничности на создание и поддержание этно-национальных сообществ и групп был предложен Робертом Саундерсом — автором работы «Этнополитика в киберпространстве» [10], объединившей в себе подходы Хабермаса, медийной теории Маклюэна и социального конструктивизма. Описывая интернет как технологическую детерминанту новых типов продуцирования этно-национальной идентичности, Саундерс делает акцент на проблематику насаждаемых элементов этно-национальной идентичности, которые в информационном обществе стали прерогативой коллективных технологически-опосредованных представлений, а не результатом воздействия властных структур. В то же время само киберпространство становится для меньшинств «параллельной вселенной», где они могут бросить вызов господствующим этно-национальным группам через создание собственного медиа-контента

и транснациональной публичной сферы этничности с ее собственными знаковыми элементами, такими как язык, искусство, этническая мифология.

В общем и целом, теоретическое сопоставление теорий виртуализации этничности и сетевого национализма выступает своего рода связующим звеном между микроуровнем концептуального осмысления идентичности конкретных акторов и макроуровнем национального образования новых виртуальных общностей.

Феномен транснациональной виртуальной этничности

Набравший популярность в конце XX века научный дискурс транснационализма, описывающий связи между символично-социальными системами как минимум двух стран, не мог не войти в соприкосновение с проблематикой виртуальности. Согласно выводам ключевого теоретика данного направления Стивена Верговека [11], новые средства связи стали «технологиями контакта», связывающими представителей этнических сообществ мигрантов благодаря своей доступности. Впрочем, говоря вслед за Верговеком о технических и практических аспектах связей мигрантов, абсолютное большинство исследователей транснационализма не сосредотачивают свое внимание на аспекте этничности.

Важным исключением из данного правила является концепция Транс-Национализма Анады Митры, где классический посыл теории транснационализма о связи двух наций был дополнен авторским термином «транс-национализм» как связью между виртуальным пространством идентичности и биолого-географическим пространством. В отличие от дихотомии «реальное — виртуальное», описанной в первом подходе к пониманию киберэтничности, Митра делает акцент в равной степени на географических и «виртуальных» координатах. При этом она создает четырехчастную модель, характерную для транснациональной этничности XXI века:

1. Реальное присутствие в реальном географическом пространстве, состоящее в свою очередь из присутствия актора в государстве исхода (в районе, подвергшемся влиянию глобализации или напротив, приверженном местной традиции), либо проживания в принимающем государстве (с сохранением традиционного для страны исхода уклада жизни или с попытками влиться в принимающее сообщество).
2. Виртуальное присутствие в географическом пространстве — часть нарратива локальной этничности, реализованная в сети Интернет для представления актором себя как жителя небольшого этнического региона.
3. Реальное присутствие в киберпространстве подразумевает актуализацию виртуальной идентичности через использование связей, которыми актор обзаводится в реальном мире.

4. Виртуальное присутствие в киберпространстве — комплекс черт, создающих виртуальный образ актора как носителя определенной этнической идентичности.

В рамках сравнительной перспективы интересным выглядит сопоставление концепции Митры с теоретическими выкладками Карима Карима [4], работавшего над анализом влияния содержания медийного и виртуального контента на формирование гибридной этнической идентичности транснациональных акторов. Данная инструментальная постановка исследовательского вопроса является крайне характерной для работ в сфере транснационализма, а потому, несмотря на кажущийся потенциал этого направления (за исключением концепта Транс-Национализма) в изучении виртуальной этничности, на сегодняшний день такой взгляд является достаточно ограниченным.

Подводя итог краткому описанию трех теоретических направлений рассмотрения виртуальной этнической идентичности, следует отметить недостаточную теоретическую и концептуальную разработанность данного феномена в рамках каждого из них. На это указывает как бедность собственного терминологического аппарата (относящегося исключительно к теориям виртуальной этничности), так и невысокое количество работ, где феномен этничности выступал бы ключевым объектом, а не побочным направлением концептуализации.

Впрочем, учитывая темпы изменения современного нам информационного общества, отсутствие устоявшихся фундаментальных теорий виртуализации этнической идентичности может плодотворно сказаться на перспективах изучения этого феномена в формате «здесь-и-сейчас», без оглядки на быстро устаревающие теории предшественников.

Статья написана в рамках исследования, финансируемого Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 19-011-0021.

ЛИТЕРАТУРА

1. CASTELLS M. **The Power of Identity**. Oxford: Blackwell, 1997. 461 с.
2. DIAMANDAKI K. **Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace** // Global media journal. 2003. № 2 (2). С. 26–40.
3. ERIKSEN T. H. **Nationalism and the Internet** // Nations and Nationalism. 2007. № 13(1). С. 1–17.
4. KARIM K. H. **Re-Viewing the “National” in “International Communication”: Through the Lens of Diaspora** // The Journal of International Communication. 2004. № 10 (2). С. 90–109
5. KIM Y., JUNG J., BALL-ROKEACH S. **Ethnicity, place, and communication technology: Effects of ethnicity on multi-dimensional internet connectedness** // Information Technology & People. 2007. № 3. С. 282–303.
6. MACFADYEN L. P. **Virtual ethnicity: the new digitization of place, body, language and memory** // Electronic magazine of multicultural education. 2006. № 1. URL: <http://www.eastern.edu/publications/emme/2006spring/macfadyen.pdf> (дата обращения: 20.03.2018)
7. MITRA A. **The Trans-Indian: Perspectives on Real vs. Virtual Identity in the Age of the Internet** // Indian Transnationalism Online: New Perspectives on Diaspora. Dorchester: Dorset Press, 2014. С. 47–68
8. NAKAMURA L. **Cybertypes: Race, Ethnicity, and Identity on the Internet**. New York: Routledge, 2002. 190 с.
9. POSTER M. **Virtual ethnicity: Tribal identity in an age of global communications** // Cybersociety 2.0: Revisiting CMC and community. London: Sage Publications, 1998. С. 184–211
10. SAUNDERS R. **Ethnopolitics in Cyberspace: The Internet, Minority Nationalism, and the Web of Identity**. Lanham, MD: Lexington Books, 2011. 232 с.
11. VERTOVEC S. **Conceiving and researching transnationalism** // Ethnic and Racial Studies. 1999. № 22 (2). С. 447–462.

Векторы развития электронной электоральной демократии

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 10.11.2018.

**ЧИЖОВ Дмитрий
Вячеславович**

Кандидат политических наук, Институт перспективных исследований Московского педагогического государственного университета (МПГУ)

Аннотация

В статье анализируются ключевые направления развития электронной электоральной демократии: развитие обоюдной цифровой прозрачности политических акторов и избирателей; индивидуализация цифрового маркетинга; рост значимости цифрового образа политика, особенно его неформальной компоненты; перспективы развития электронных систем голосования.

Ключевые слова:

политические интернет-коммуникации, политические технологии, электоральная демократия, блокчейн, выборы, цифровизация, мобильные приложения, абсентеизм, политические акторы, избирательный процесс, цифровой образ, обоюдная цифровая прозрачность.

Влияние цифровизации и интернет-коммуникаций на состояние политической системы и гражданского общества растет с каждым годом. К зиме 2018 г. число россиян, хотя бы раз в течение месяца выходящих в интернет, достигло 90 млн человек (73% населения страны старше 12 лет). До 56% населения старше 12 лет выросло количество граждан, использующих для выхода в сеть смартфоны (прирост — 20% за год). Доля пользователей стационарных компьютеров и ноутбуков за этот период снизилась на 2% (с 56 до 53%), с 22 до 18% уменьшилось количество жителей страны, которые используют для этих целей ноутбуки [15].

Активно развиваются социальные сети. Только социальную сеть «ВКонтакте» ежемесячно посещают 97 млн пользователей, отправляется 6,5 млрд сообщений в сутки, ставится 1 млрд. «лайков», просматривается около 0,5 млрд видеозаписей [19].

Интернет активно проникает в политическую систему. Под воздействием цифровых технологий начал складываться феномен электронной демократии, сущность которого вызывает активные дискуссии в научном мире. По мнению Я. В. Антонова, «понятия электронной демократии и электронного голосования как ее основного инструмента в правовой и политической науке, в том числе на международном уровне, в настоящее время не имеют единого толкования» [2, С. 101]. Данную позицию разделяет и Т. Л. Ровинская, которая отмечает, что это понятие «имеет несколько различных трактовок» [10, С. 84]. В свою очередь И. А. Быков, отмечая противоречивость понятия «электронная демократия», тяготеет к термину «электронное правительство» [6, С. 76]. С данной позицией, правда, сложно согласиться, так как понятие «электронное правительство» является более узким по сравнению с понятием «электронная демократия». Признаком отсутствия единства в оценке данного феномена можно считать многообразие терминов, используемых в научной литературе: цифровая демократия, викидемократия, демократия-3.0 и т. д. [10, С. 86].

В настоящей статье под термином «электронная демократия» понимается использование цифровых технологий органами власти, партиями и институтами

гражданского общества с целью обеспечить каналы коммуникации и повысить участие граждан в управлении государством.

Вопрос о перспективах развития электронной демократии остается открытым. В частности, Л. Гроссман считает, что электронные технологии приведут к началу третьей эпохи демократии (после афинской и представительной). Смысл данного прогноза сводится к тому, что благодаря цифровым коммуникационным технологиям граждане смогут напрямую, в режиме онлайн, участвовать не только в дискуссиях, но и в генерировании и принятии управленческих и законодательных решений.

Выделяют две доктрины электронной демократии: прямую и коммуникаторную. В первом случае упор делается на непосредственном участии граждан в управлении государством, то есть повсеместном переходе к практике цифровых референдумов. Во втором подчеркивается коммуникаторная (коммуникативная) функция глобальной сети, благодаря которой важным центром формирования общественного мнения становятся создаваемые в интернете коммуникационные узлы (например, группы в социальных сетях).

Электоральный процесс — один из элементов функционирования демократической системы. Однако вопрос, что именно является «электоральным процессом», остается открытым. Достаточно ввести в поисковую строку слова «электоральный процесс» и отыщется множество статей, посвященных его отличию от избирательного процесса и других смежных понятий. Принципиальный момент заключается в том, что избирательный процесс — это в большей степени юридическая категория, охватывающая формально закрепленные действующим законодательством процедуры (этапы), к которым можно отнести назначение выборов, выдвижение и регистрацию кандидатов, проведение агитации (точнее, нормативные рамки ее проведения) и голосования, порядок подсчета голосов, объявление результатов, процедуры обжалования действий участников процесса.

Электоральный процесс включает более широкий круг вопросов, которые не могут быть охвачены нормативными документами. Речь идет о формировании коммуникативных институций, играющих важную роль в проведении выборов и распределении результатов волеизъявления. Многие ученые включают в электоральный процесс и межвыборный период [3, С. 74–75]. Например, Е. А. Аликина обозначает электоральный процесс как «систему взаимодействий между субъектами политического процесса по вопросу распределения властных ресурсов в условиях нормативно закрепленной публичной борьбы за голоса избирателей, включающая в себя совокупность динамических изменений в стратегиях, нормах и принципах поведения» [1, С. 150].

На основе вышесказанного представляется уместным обозначить электронную электоральную демократию как *«взаимодействие участников политического процесса с целью борьбы за власть как в выборный, так и межвыборный период, происходящее в цифровой среде»*.

Вопрос, как протекает электоральный процесс в цифровой среде, представляется недостаточно разработанным. Вместе с тем определение основных векторов этого процесса имеет как практическую (для самих участников процесса), так и теоретическую пользу (для определения путей дальнейшего развития

системы функционирования общественных и государственных институтов в цифровой эпоху). Определение этих векторов и есть задача настоящей статьи.

Цифровизация электоральных процессов

Цифровизация электоральных процессов принципиально связана с развитием цифровой среды и коррелируется с увеличением числа потенциальных избирателей среди пользователей глобальной сети.

По мнению ряда исследователей, виртуальное пространство начинает играть заметную роль в избирательном процессе России с парламентских выборов 1999 года и президентских 2000-го. Как отмечает А. Л. Водолагин, в этот период расходы на агитацию в интернете начинают фиксироваться «отдельной строкой в бюджетах избирательных кампаний многих политических деятелей» [8, С. 50]. В начале 2000-х интернет становится значимой площадкой для продвижения политической повестки политиков и партий. Во время президентских выборов 2004 года каждый из шести кандидатов запустил собственный интернет-ресурс [9, С. 14].

На рубеже веков интернет-коммуникация политических акторов с электоратом сводилась в основном к информированию и агитации. Говорить о функции мобилизации на данном этапе рано: относительно небольшое количество пользователей интернета не позволяло мобилизовать статистически значимое количество избирателей.

Обретение интернет-коммуникациями функции мобилизации проходило параллельно с распространением точек доступа к глобальной сети среди частных пользователей. Лавинообразный рост пользователей интернета пришелся на вторую половину нулевых — с примерно 25% населения в 2008 г. до 44% в 2011-м [18]. Значительное влияние оказало развитие мобильного интернета и появление у россиян большого количества устройств, способных выходить в сеть. Это привело к тому, что через интернет стало возможно привлекать статистически значимую долю электората. При этом доступность коммуникации в режиме 24/7 позволила делать это в считанные часы и даже минуты.

В настоящий момент интернет-проекты и интернет-коммуникации — неотъемлемый атрибут избирательных кампаний, политических технологий и политконсалтинга. Речь идет об интернет-сайтах партий и политиков, отдельных общественно-политических интернет-проектах, персональных страницах и группах в социальных сетях, каналах в мессенджерах, а также мобильных приложениях, имеющихся в распоряжении политиков, партий и отдельных партийных проектов.

На начальном этапе пробелы в законодательстве создавали возможности для практически неограниченной коммуникационной деятельности. Сегодня виртуальное пространство в значительной степени поставлено в правовые рамки, однако технический прогресс и развитие цифровых технологических решений обгоняет формирование правовой базы. В частности, возникают вопросы, что делать с различными группами в социальных сетях или отдельными пользователями, публикующими информацию в поддержку того или иного кандидата. Неопределенность правовой природы создает обширное пространство для

толкований избирательного законодательства, формирует пространство возможностей для использования некорректных избирательных технологий. Нередко возникают вопросы с порядком предъявления претензий, скоростью и надежностью блокировок незаконного контента [14, С. 474].

Развитию цифровых технологий в электоральном процессе способствует невысокая — по сравнению с традиционными медиа — стоимость создания интернет-контента. В печатных СМИ, на радио и телевидении объем контента, который кандидат желает представить, ограничивается ценой, определяемой владельцем. На персональном электронном ресурсе кандидаты (партии) не ограничены этими рамками и имеют возможности для размещения практически любого объема.

В России в настоящий момент прослеживается тенденция к политизации интернета. В 2014 году среди россиян отмечалось доминирование «стратегии развлечения в интернете, связанной с восприятием глобальной сети как пространства преимущественно досуговой деятельности, с одной стороны, и низким уровнем доверия россиян интернет-контенту, неготовности рассматривать глобальную Сеть как инструмент финансовой, политической, профессиональной активности, — с другой» [4, С. 287].

К 2017 году уровень доверия к интернету повысился — по данным ВЦИОМ, популярность интернета у россиян выросла с 22% в 2015 г. до 32% в 2017-м. При этом уже сейчас интернет является основным источником информации для 65% граждан с 18 до 24 лет и 50% — для 25–30-летних. Это коррелирует со снижением значимости телевидения с 62% населения страны в 2015 году до 52% в 2017-м. Правда, данные социологов свидетельствуют, что большинство россиян по-прежнему считает информацию, полученную с голубого экрана, более достоверной (46%). Однако, эта доля значительно снизилась по сравнению с 2013 г., когда она составляла 60% [17, 2018].

Прямая коммуникация политических акторов с избирателями

Один из трендов развития электронной электоральной демократии — переход от опосредованной коммуникации политических акторов с избирателями (через СМИ) к прямой — через мобильные приложения, аккаунты в социальных сетях и каналы в мессенджерах.

Главные особенности этой коммуникации:

- оперативность;
- отсутствие «искажений», обусловленных редакционной политикой, форматом подачи материала и т.п.;
- быстрая обратная связь;
- большее доверие избирателей, обеспеченное иллюзией прямого общения.

Прямая коммуникация минимизирует анонимность и актора, и электората. Посредством анализа интернет-активности избирателя (в том числе его профилей

в социальных сетях) публичный политик получает возможность собрать большое количество личной информации, что заметно облегчается готовностью граждан публиковать в свободном доступе свои персональные данные (в этом отличие отечественного пользователя от зарубежного). Во многом это объясняется отношением к интернету как к пространству неформальной, развлекательной коммуникации.

В свою очередь избиратель, анализируя цифровые следы политика, может формировать представление о личности кандидата, его политическом опыте и возможном поведении в будущем, фактически получая его полноценный цифровой образ.

В этом образе с определенной долей условности можно выделить ядро и периферию. Ядро формируется одним или несколькими ключевыми ресурсами, вокруг которых формируется набор дополнительных. Ресурсы ядра цифрового образа связаны, прежде всего, с заранее подготовленной политической повесткой, в то время как ресурсы периферии более подвижны, адаптивны и выполняют функцию защиты ресурсов ядра от возможных потрясений. При этом свобода дискуссий в периферийных группах может носить критичный по отношению к образу политика характер.

Условность данного деления связана с характеристикой медийной активности партии или конкретного политика. Кроме того, это деление может меняться в зависимости от информационной активности конкретного ресурса. В частности, к ресурсам ядра цифрового образа политической партии в социальной сети можно отнести ее официальную страницу, аккаунт ее лидера и членов руководящих органов. В число ресурсов периферии войдут аккаунты региональных и местных отделений партии, групп сторонников, партийных депутатов, отдельных членов партии. При этом в непарламентских политических партиях число ресурсов ядра будет заметно меньше, ограничиваясь, как правило, страницей партии и аккаунтом лидера.

Одним из новых форматов обеспечения прямой коммуникации политических акторов с электоратом являются мобильные приложения. К ресурсам ядра цифрового образа партий в этой сфере будут относиться официальные приложения партий, а также приложения, связанные с личностью партийного лидера. К ресурсам периферии можно отнести приложения, созданные отдельными партийными проектами, а также членами и сторонниками партии.

Обратная сторона прямой коммуникации — повышенная опасность фальсификации. В последнее время избирательные кампании сопровождаются созданием ложных аккаунтов в соцсетях и других поддельных интернет-ресурсов. Опасность такой фальсификации — одна из причин, по которой ряд политиков принципиально отказываются заводить персональные аккаунты.

Прямая коммуникация политических акторов с избирателями положительно сказывается на развитии технологий фандрайзинга, особенно востребованных среди небольших политических объединений, начинающих политиков, а также игроков, стремящихся создать себе имидж политиков, не зависящих от крупных спонсоров.

Приоритет неформальной коммуникации при создании цифрового имиджа

Активность политиков в цифровой среде растет от выборов к выборам. Оффлайн-технологии уходят в прошлое, уступая место т.н. «цифровому имиджу», складывающемуся в результате обработки всех оставленных актором цифровых следов. Имидж в интернет-пространстве формируется как сознательно, так и в определенной степени помимо воли актора: количество оставляемых персоной цифровых следов увеличивается многократно и далеко не всегда их появление можно контролировать. Это свойство интернета ведет к постепенному стиранию границы между публичными (общественно-политическими) и частными (общественно-развлекательными) коммуникациями.

Ключевой особенностью политической интернет-коммуникации является поляризованность и критичность выражения мнений. Как правило, на форумах и в блогах редко выражаются нейтрально [13, С. 335]. Желание быть услышанным и выделиться в общем потоке заставляет многих пользователей жертвовать обоснованностью и объективностью оценок. Особенность неформальных коммуникаций — повышение уровня искренности. Это связано, в том числе, с иллюзией анонимности.

Неформальность коммуникации порождает новые жанры подачи интернет-контента, отвечающие критериям краткости, понятности, ироничности (самоироничности) — вплоть до сатиры. К таким жанрам можно отнести «фотожабы» — пользователи подрисовывают к фотографиям политических деятелей какие-либо нелепые детали и иногда снабжают их подписями. Сюда же можно отнести GIF — заикленные 1–2 секундные ролики, содержащие тематические наборы изображений. Популярным стало также сведение в единый текст вырванных из контекста слов политиков. Здесь важно то, что, по образному выражению некоторых исследователей, «цифровая медиасреда не уважает целостность информации» [9, С. 4].

Вероятно, это связано с формированием клипового сознания, настройкой сознания людей на фрагментарное восприятие действительности. При этом получатели информации, похоже, уже смирились с тем, что полной картины событий им собрать не удастся. В свое время Э. Тоффлер сравнил такую картину мира с черепками, из которых каждый пользователь может выбрать «самые забавные» и «сложить наобум» [11, С. 119].

Таким образом, вырванные из контекста слова и выражения политика могут делать его цифровой образ релевантным интернет-пространству, то есть более гармоничным в глазах избирателей. В условиях глобальной компьютеризации, обработки больших данных и статистических выкладок обычный человек стремится видеть в политике, прежде всего, живого человека. Оперирование точными данными будет характеризовать политика скорее как робота, тогда как ошибки и оговорки — свидетельствовать о его принадлежности к миру людей, а не машин.

Обоюдная цифровая прозрачность политиков и избирателей

Поколение политиков, родившихся до эпохи интернета, постепенно уходит. Очень скоро на политической арене появятся игроки, чье рождение можно будет отыскать в условном Инстаграме родителей и чья активность будет так или иначе представлена в интернете — в первую очередь на страницах социальных сетей, как собственных, так и принадлежащих родственникам, друзьям и знакомым.

До цифровой эпохи поиск биографических сведений о политическом деятеле был уделом журналистов и исследователей. Сегодня избиратели, обладающие навыками анализа больших данных, могут провести в интернете практически любые изыскания относительно интересующего их политика.

Между тем цифровая прозрачность — оружие обоюдоострое. Предоставляя избирателям возможность увидеть жизненный путь политика, цифровая реальность позволяет и политику узнать все о своем избирателе. В перспективе речь может идти о создании практически поименного списка «сторонников», «противников» и «сомневающихся». Речь идет о технологиях дата-майнинга, то есть сбора информации об активности избирателя.

Анализ посещенных сайтов и размещенных на них материалов вкупе с анализом зарегистрированных друзей (френдов), лайков и шервов позволит политтехнологам с помощью специализированных программ анализировать поведение и предпочтения отдельных избирателей. Перспективным в данном плане является проект Predictor mining, возникший на пересечении интеллектуального анализа больших данных и социального компьютеринга [5, С. 83].

Индивидуализация политического маркетинга

Еще один вектор в развитии электоральной демократии — политический маркетинг в сфере интернет-коммуникаций, стремящийся в конечном счете к формированию уникального контента для каждого избирателя.

О возможностях анализа поведения пользователя в соцсетях при помощи инструментов Predictor mining указывала Е. В. Бродовская, исследовавшая в основном наиболее острые формы проявления активности. Однако данный метод, как представляется, можно использовать и для прогнозирования более умеренных форм поведения электората [5, С. 79–104].

В целом политический маркетинг представляет собой совокупность подходов по применению маркетинговых технологий в политической сфере. В его рамках политик рассматривается как «товар», который нужно «реализовать» избирателю в обмен на «голоса».

К сильным сторонам политического маркетинга можно отнести внимание к реальным запросам электората, учет общественного мнения и эффективно выстроенные коммуникативные технологии. К слабым — скатывание к популизму, отказу от проведения собственной политической повестки в угоду конъюнктурным запросам общества (в то время как государственные интересы могут требовать принятия непопулярных мер).

Для сбора и анализа информации о предпочтениях пользователя используются технологии data-mining, позволяющие собирать и обобщать персональную информацию о пользователях на основе их активности в интернет-пространстве. Речь идет не только о позиции избирателей по вопросам управления, но и о самых тривиальных вещах, на которые обычно даже не принято обращать внимание: предпочтения в еде, напитках, музыке, кинематографе, одежде, цвете. В условиях тотального развития цифровых технологий анализ этих данных позволит создавать уникальные агитационные материалы, которые будут направляться индивидуально каждому пользователю и применяться для продвижения той или иной политической повестки. Опасность заключается в том, что избиратель превращается в совокупность стимулов, которые задействуются для формирования нужных установок и поведения.

Цифровизация процессов межвыборного периода

Цифровые технологии находят применение не только в избирательных кампаниях, но и в период между выборами. Речь идет о поддержании политического имиджа, продвижении программ, обеспечении коммуникации со сторонниками, оппонентами и СМИ, а также применении технологий фандрайзинга.

Часто в межвыборный период используются те же технологии, которые были разработаны для избирательного процесса. Возросшая скорость интеракции, возможность прямой коммуникации граждан с государственными институтами, формирования общественных инициатив и запросов к последним ставят вопрос о новой роли представительных органов власти.

В цифровую эпоху становится технически возможным учесть мнения десятков, сотен тысяч и даже миллионов избирателей. Петиции на сайте Российской общественной инициативы и других ресурсах, а также специализированные мобильные приложения позволяют оперативно выявлять мнение населения по тому или иному вопросу. Развитие системы идентификации и компьютерной грамотности в перспективе приведет к возможности с высокой степенью достоверности проводить опросы в масштабах страны. Это обогатит коммуникацию политиков с избирателями. С одной стороны, депутат сможет оперативно узнавать мнение избирателей, с другой — избиратели сами смогут обратиться к депутату с просьбой объяснить то или иное решение. Оперативность и адекватность реакции политика на запрос избирателей может оказаться решающим на старте очередного избирательного цикла.

От избирательной урны — к электронному голосованию

Цифровизация затрагивает и сферу голосования. Использование цифровых технологий в данной сфере сталкивается, прежде всего, с проблемой так называемого политического символизма. С точки зрения политического ритуала выборы являются процедурой, призванной легитимизировать процесс наделения властью. В условиях, когда часть старшего поколения воспринимает цифровые решения

как пространство неформальной коммуникации, это может негативно сказаться на общественной оценке значимости выбора.

Внедрение цифрового голосования может привести и к изменению возрастной структуры явки. Молодое поколение (поколение Z), воспринимающее цифровые технологии как обыденные [12, С. 42–52], может значительно активнее участвовать в голосовании.

Цифровизация приводит и к трансформации процесса наблюдения. Уже сейчас появилась возможность допускать к процессу общественного контроля за выборами всех желающих — посредством системы видеонаблюдения, установленной в помещении участковых избирательных комиссий.

Впервые система была испытана в России на выборах в 2012 году, частично эта практика использовалась и на последующих выборах. На президентских выборах 2018 года камеры устанавливались не только на избирательных участках, но и в территориальных избирательных комиссиях. Общий объем видеоматериалов составил 1,2 млн часов — его трудно просмотреть полностью даже большой команде экспертов [20].

Существенно упростить задачу просмотра и анализа видеозаписей может применение искусственного интеллекта, в частности технологий компьютерного зрения, позволяющих различать объекты и анализировать их действия. Искусственный интеллект можно обучить распознавать некорректную активность со стороны участников процесса голосования, группировать ее по различным критериям, выделять нужные отрезки видеозаписи для последующего экспертного анализа.

Еще одним вектором в сфере применения цифровых технологий при обеспечении процесса волеизъявления является использование технологии блокчейн. В самом общем виде это технология распределенного хранения данных. Данные разбиты по блокам и зашифрованы таким образом, что внесение изменений в один блок влечет за собой искажение данных во всех остальных блоках. Цепь верифицирует подлинность каждого блока, а каждый из блоков верифицирует подлинность всей цепи. В контексте обеспечения процесса волеизъявления блокчейн означает возможность распределенного хранения информации о результатах голосования и защиту от попыток их фальсификации. Технологии блокчейн были протестированы при проведении плебисцита в Колумбии в 2016 году (для организации голосования за рубежом), одновременно проведенных президентских, парламентских и местных выборов в Сьерра-Леоне (7 марта 2018 г.), а также в швейцарском кантоне Цуг (с 25 июня по 1 июля 2018 г.).

Кроме того, попытки использования распределенного реестра предпринимались во время партийных праймериз в России и других странах. Технология блокчейн использовалась «Национальным общественным мониторингом» (НОМ) при осуществлении общественного контроля на выборах Президента Российской Федерации в марте 2018 года.

Цифровизация и абсентеизм

Абсентеизм как политическое, гражданское бездействие, уклонение избирателей от участия в голосовании является общемировой проблемой. Как правило, явка

высока только на общенациональных выборах — на региональных она гораздо скромнее. Одной из наиболее электорально активных групп населения в России являются пожилые люди, у которых привычка ходить на выборы сформировалась еще в годы советской власти.

Меры по повышению популярности выборов среди молодежи предпринимаются регулярно. Вместе с тем наиболее продуктивным для ее привлечения на избирательные участки могло бы стать применение цифровых технологий. В частности, в России применяется система «Мобильный избиратель», позволяющая гражданам без получения открепительного удостоверения принимать участие в выборах по месту фактического нахождения. В дальнейшем речь гипотетически может идти о применении технологий дистанционного цифрового голосования. Однако данные технологии содержат целый ряд потенциально опасных моментов, в том числе: снижение значимости голосования, превращение его в выбор понравившейся картинке в интернете и возможность манипулировать волей людей с низкой правовой и информационной культурой. Применение дистанционного цифрового голосования должно сопровождаться появлением аналогичных цифровых избирательных комиссий и наблюдателей.

Вместе с тем переход к интернет-голосованию может гипотетически положительно сказаться на явке — ведь избиратель имеет возможность проголосовать за считанные секунды. Активное голосование молодежи способно привести и к изменению расстановки политических сил, к активизации политиков, выражающих мнение молодого поколения.

* * *

Можно предположить, что сфера применения цифровых технологий будет расширяться параллельно с рудиментированием оффлайн-каналов коммуникаций в электоральный и межвыборный период.

Продолжится рост взаимной цифровой прозрачности с появлением в будущем устойчивого перечня сторонников и повышением точности таргетирования политического контента для различных групп электората (вплоть до отдельных избирателей). Это будет обеспечиваться, в том числе посредством использования больших данных и технологий искусственного интеллекта для анализа интернет-активности избирателей. На первый план при этом будут выходить не реальные политики и избиратели, а их цифровые прозрачные образы, формируемые как сознательно, так и помимо воли политических акторов. Этот процесс будет идти рука об руку с развитием технологий противостояния фейк-ньюс.

На всех платформах ресурсы прямой коммуникации будут и в дальнейшем разделяться на ядро (официальные сайты партий и политиков) и периферию (сайты отдельных проектов и сторонников). При этом официальный контент будет обеспечиваться ресурсами ядра, а неофициальный — периферии. Продолжится размывание границ между частно-общественной и публично-политической сферой интернета на фоне расширения неформальных коммуникаций политических деятелей.

Благодаря системе цифровых опросов граждане смогут становиться соавторами или даже инициаторами нормативно-правовых актов, взаимодействуя

с органами исполнительной власти и политиками. Цифровые технологии потенциально могут применяться при анализе правоприменительной практики и разработке новых законодательных инициатив, что сделает более оперативным принятие решений и будет способствовать оптимизации расходов за счет предварительного учета рисков и последствий проектируемых изменений.

Цифровые технологии могут применяться для развития системы подсчета голосов, внедрения комплексов электронного голосования, а также систем наблюдения и хранения поступающей информации в распределенных реестрах (блокчейн). Внедрение искусственного интеллекта и компьютерного зрения может повысить эффективность дистанционного наблюдения за процессом голосования.

Следует также предположить, что качественный скачок во внедрении системы дистанционного голосования будет сделан при значительном изменении структуры поколений, вовлеченных в политическую активность. Чем больше представителей поколения Y и Z (равно как и последующих) будут участвовать в общественно-политической деятельности, тем более вероятным станет всеобъемлющий переход к цифровым решениям в политических процессах. Внедрение дистанционного голосования может привести и к изменению расстановки политических сил в представительных органах власти за счет возрастания активности молодых избирателей. В целом применение корректных и социально одобряемых цифровых технологий позволит обеспечить дальнейшее укрепление и развитие демократических институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. АЛИКИНА Е. А. **Применение категории «электоральный процесс» в политическом анализе: методические основы** // Теории и проблемы политических исследований. – Ногинск, 2016. – Том 5. № 6А. – С. 146–156.
2. АНТОНОВ Я. В. **Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение** // Российский юридический журнал. – Екатеринбург, 2016. – № 5 (110). – С. 101–113.
3. БЛИЗНЯК Р. З. **Электоральный процесс vs избирательный процесс: к вопросу об оптимизации понятий** // Вестник ПАГС. – Саратов, 2010. – № 2 (23). – С. 70–76
4. БРОДОВСКАЯ Е. В., ДОМБРОВСКАЯ А. Ю., СИНЯКОВ А. В. **Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования** // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М., 2016. – № 1. – С. 283–296.
5. БРОДОВСКАЯ Е. В., ДОМБРОВСКАЯ А. Ю., КАРЗУБОВ Д. Н. И ДР. **Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа** // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М., 2017. – № 5. – С. 79–104.
6. БЫКОВ И. А. **«Электронная демократия» VS «Электронное правительство»: концептуальное противостояние?** // Политекс. – 2005. – 3 (Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/171/30> (Дата посещения: 01.11.2018).
7. ВОЛОДЕНКОВ С. В. **Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике** // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук. – Екатеринбург, 2018. – Т. 18, вып. 2, С. 69–86.
8. ВОДОЛАГИН А. Л. **«Интернет-СМИ как арена политической борьбы»** // Общественные науки и современность. – М., – 2002. – № 1. – С. 49–67.
9. НЕЯСКИН Г. Н. **Интернет в политических кампаниях США и России** (Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2010/08/22/1221647015/Neyaskin_Internet.pdf (Дата посещения 01.11.2018).
10. РОВИНСКАЯ Т. Л. **Электронная демократия в теории и на практике** // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2013. – № 12. – С. 84–96.
11. ТОФФЛЕР Э. **«Третья волна»**. – М.: «Издательство АСТ. 2004, С. 119.
12. ЧИЖОВ Д. В. **Анализ механизмов влияния на политическое поведение поколения Z** // Информационное общество. – М., 2015. – № 6. – С. 42–52.
13. ЧИЖОВ Д. В. **Формирование имиджа российских политических партий в сети Интернет** // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. М., 2016. – № 1. – С. 313–338.
14. ШАПОВА А. А., КУЛИКОВА С. А. **Правовое регулирование предвыборной агитации в сети Интернет** // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. – Саратов, 2016. – Т. 16, вып. 4.

15. **Аудитория интернета в России выросла на 4%** //

Интернет-сайт «Российский интернет-форум-2018». — Режим доступа: <https://2018.rif.ru/news/auditoriya-interneta-v-rossii-virosla-na-4> (Дата посещения: 30.10.2018).

16. **Блокчейн-платформа НОМ и Verifier верифицируют голосование на президентских выборах** //

Интернет-сайт «Национальный общественный мониторинг». — Режим доступа: <https://nom24.ru/info/opinion/blokcheyn-platforma-nom-i-verifier-verifitsiruyut-golosovanie-na-prezidentskikh-vyborah> (Дата посещения: 30.10.2018).

17. **Интернет против телевидения: битва**

продолжается // Интернет-портал ВЦИОМ. — Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=814> (Дата посещения: 30.10.2018).

18. **Количество пользователей интернета в России** //

Интернет-ресурс «Интернет в России и в мире». — Режим доступа: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151 (Дата посещения: 30.10.2018).

19. **Миссия «ВКонтакте» – соединять людей, сервисы и компании, создавая простые и удобные инструменты коммуникации** //

Социальная сеть «ВКонтакте». — Режим доступа: <https://vk.com/about> (Дата посещения: 30.10.2018).

20. **Около 2 млн пользователей смотрели видеотрансляции с избирательных участков** //

Информационное агентство ТАСС < <http://tass.ru/politika/5055998> > (Дата посещения: 30.10.2018).

Социогуманитарные риски глобальной цифровизации общества

Статья рекомендована Т.В. Ершовой 11.04.2019.

**ЛИБИН Александр
Викторович**

*PhD в психологии, профессор
Джоджтаунского
университета (Вашингтон,
США), ведущий
аналитик Учебно-
научного инновационного
центра Института
экономики, управления
и права Российского
государственного
гуманитарного
университета (Москва)*

**ЛИБИНА Елена
Владимировна**

*PhD в психологии (США),
главный редактор журнала
"Совладание с жизненным
стрессом" (Coping with Life
Stress) (Дозанна, Швейцария),
ведущий аналитик Учебно-
научного инновационного
центра Института
экономики, управления и
права РГГУ (Москва)*

**АРХИПОВА Надежда
Ивановна**

*Доктор экономических наук,
профессор, заведующая
кафедрой организационного
развития факультета
управления Российского
государственного
гуманитарного
университета, проректор по
учебной работе РГГУ*

**ПАВЛЕНКО Ольга
Вячеславовна**

*Проректор по научной
работе, заместитель
директора Историко-
архивного института
РГГУ по международной
деятельности, заведующая
кафедрой зарубежного
регионоведения и внешней
политики факультета
международных отношений и
зарубежного регионоведения
ИАИ РГГУ, профессор*

Аннотация

Представлена концептуальная программа изучения последствий глобальной цифровизации всех сфер человеческой жизни в контексте распознавания и предупреждения социогуманитарных рисков, сопровождающих внедрение и распространение технологических инноваций. В основе новой парадигмы лежит концептуальное определение социогуманитарных рисков как философской категории, предполагающей четкую мировоззренческую и этическую позицию, а также разработанное на основе вышеобозначенной концепции инструментальное определение социогуманитарных рисков как системы критериев и показателей, направленных на разработку комплексной оценки изменений образа жизни современного человека и общества в целом в результате инновационных технологических преобразований. Основным аналитическим методом является система критического мышления, лежащая в основе Совладающего Интеллекта как инструмента осмысления действительности и эффективного взаимодействия с миром в период жизненных кризисов. Первоочередной задачей при этом является разведение уровней сложности в оценке вероятности возникновения социогуманитарных рисков с целью выработки критериев дифференциации как нежелательных последствий, так и преимуществ цифровизации человеческого сообщества на основе доказательных социогуманитарных практик, формирующихся в сфере инновационных технологий как реакция на предполагаемые изменения.

Предлагаемая аналитическая модель Социогуманитарные риски глобальной цифровизации общества сфокусирована на тех аспектах жизнедеятельности человека и общества, которые имеют скорее социальную природу, в отличие от экономических, производственных и геополитических факторов, присутствующих человеческому сообществу. Этические или моральные дилеммы служат отправной точкой как в построении концептуальной схемы разрабатываемой модели, так и в обосновании инструментальных методов изучения социогуманитарных рисков, возникающих в результате цифровых трансформаций нашего общества.

Ключевые слова:

социогуманитарные риски, глобальная цифровизация общества, предиктивная аналитика, искусственный интеллект, совладающий интеллект, аналитическая модель социогуманитарных рисков, права человека, этические дилеммы, уязвимые социальные группы.

Введение

В эпоху четвертой технологической революции [1, 2] назрела необходимость в разработке новой парадигмальной методологии социогуманитарных рисков, ассоциированных с вызовами, возникающими в ответ на сложный и неоднозначный процесс глобальной цифровизации общества.

Смысл новой парадигмы заключается в повышении роли гуманитарных наук применительно к изучению последствий цифровизации всех сфер жизни

общества и в целевой разработке прорывных, опережающих гуманитарных исследований, центральное место в которых отводится социогуманитарным методам оптимизации взаимодействия человека с цифровыми технологиями [3]. Мониторинг, минимизация и, по возможности, предупреждение социогуманитарных рисков цифровизации всех сфер человеческой жизни соответствует по своей сути основополагающим решениям международных сообществ: Универсальной декларации прав человека, принятой в 217 резолюции на третьей сессии генеральной ассамблеи ООН 10 декабря 1948 года в Palais de Chaillot в Париж [4]; Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека), разработанной в 1950 году и вступившей в силу 3 сентября 1953 года на совещании стран Европы в Риме [5]; Болонской декларации о создании единого образовательного пространства, принятой в 1999 г. странами Европейского Союза [6], а также Бельмонтской декларации по этическим принципам и рекомендациям по защите человека при проведении исследований (The Belmont Report and Principles of Biomedical Ethics), ратифицированного 18 апреля 1979 г. в Вашингтоне, США [7,8]. В основе новой парадигмы лежит концептуальное определение социогуманитарных рисков как (1) системы научных гуманитарных методов, предполагающей четкую мировоззренческую и этическую позицию [9,10], а также разработанное на основе вышеобозначенной концепции инструментальное определение социогуманитарных рисков как (2) системы критериев и показателей, направленных на разработку комплексной оценки изменений образа жизни современного человека и общества в целом в результате инновационных технологических преобразований. Основным аналитическим методом является система критического мышления, лежащая в основе Совладающего Интеллекта [11,12] как инструмента осмысления действительности и эффективного взаимодействия с миром в период жизненных кризисов. Первоочередной задачей при этом является разведение уровней сложности в оценке вероятности возникновения социогуманитарных рисков [13, 14] с целью выработки критериев дифференциации как нежелательных последствий, так и преимуществ цифровизации современного общества на основе доказательных социогуманитарных практик, формирующихся в сфере инновационных технологий как реакция на предполагаемые изменения.

Человеческий фактор глобальной цифровизации общества

В различных теориях и моделях цифровизации общества центральное место человеческого фактора предполагается *de facto*, следуя *a priori* предполагаемому негласному консенсусу о приоритете прав человека, обозначенных в юридическом, экономическом и управленческом пространствах, зафиксированных в основополагающих документах [4–8]. Ежегодный аналитический обзор глобальных рисков (Global Risks Reports, 2019) [15], представленный Всемирным Экономическим Форумом, обозначает пять важнейших сфер человеческой жизнедеятельности, наиболее подверженных рискам, обусловленным влиянием инноваций, преимущественно цифровых:

- Расширение экономически уязвимых зон;

- Обострение геополитических конфликтов;
- Усиление социально-политической напряженности;
- Ухудшение качества окружающей среды;
- Нестабильность техногенных изменений [15, с. 3].

Изначально методология оценки тенденций развития общества предполагала равновероятностную природу воздействия инновационных глобальных рисков — финансово-экономических, производственных и социально-политических на нашу жизнь [16–19]. В представленной Всемирным Экономическим Форумом аналитической модели четко прослеживается недооценка важности социогуманитарных рисков и их влияния на целостную взаимосвязанную систему наиболее подверженных цифровизации сфер жизни. Как показывают данные изучения восприятия рисков большой группы респондентов, наиболее часто упоминаемые в СМИ катаклизмы, такие как глобальное потепление, кибератаки, миграция населения в результате *человеком-созданных-проблем (man-made-disasters)*, воспринимаются как главная угроза для каждого человека, в то время как безработица и нехватка мест по конкретным специальностям, а также негативные социальные последствия развития технологий недооцениваются с точки зрения их влияния на благосостояние общества и благополучие каждого из нас.

Какие глобальные угрозы, по вашему мнению, представляют наибольшую опасность для человечества в ближайшие 20 лет? Укажите не более 5 вариантов.

Схема 1. Аналитика глобальных рисков, лежащих в основе угрозы человечеству

В аналитических обзорах Российского совета по международным делам, составляемых на основе мониторинга, проводимого сотрудниками кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Историко-архивного института РГГУ [20], отмеченные выше тенденции рисков прослеживаются в различных культурных пространствах. Интересно отметить и такие идентифицируемые аналитической группой риски, как деградация человека как биологического вида и недружественный искусственный интеллект (см. Схема 1):

Природа социогуманитарных рисков и права человека

Рассмотренные выше результаты исследования рисков подтверждают тот факт, что статус социогуманитарных ценностей продолжает быть недооцененным на фоне более очевидных, с точки зрения здравого смысла, угроз человеческому существованию. Между тем, природа любого, связанного с деятельностью человека риска как многофакторного явления определяется не столько внешними, наблюдаемыми вероятностными тенденциями, сколько восприятием человеком последствий и связанным с этим планом действий по минимизации воздействия фактора риска. Поэтому, по самой своей сути, любой связанный с жизнедеятельностью человека риск является социогуманитарным. На этапе скачкообразного роста прорывных технологий, значительно опережающего развитие индивидуального и общественного сознания, важным становится интеграция присущей гуманитарной науке индуктивной логики и "политического здравого смысла" в концепции устойчивого развития (sustainable development), сфокусированной на поддержание человеческой среды обитания [21, 22, 23].

Главной целью разрабатываемой аналитической модели *Социогуманитарные риски глобальной цифровизации общества* является выявление и анализ существующих расхождений между применением инновационных, в том числе цифровых компьютерных технологий в различных сферах человеческой деятельности с одной стороны, и потребностями, запросами и возможностями современного общества и отдельных социальных групп, с другой. Концептуальная схема базируется на основных положениях глобальной инициативы ЮНЕСКО (UNESCO, 2017) [24], в которой сформулирована концепция устойчивого самодостаточного развития 21 века, представляющая собой систему 17 взаимосвязанных и в то же время самодостаточных Целей.

Для модели *Социогуманитарные риски глобальной цифровизации общества* центральной является подсистема из семи Целей, обозначаемых нами как социогуманитарные:

ЦЕЛЬ 3: ХОРОШЕЕ ЗДОРОВЬЕ И БЛАГОПОЛУЧИЕ, указывающая, что ключевой элемент устойчивого развития — обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте;

ЦЕЛЬ 4: КАЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, подчеркивающая необходимость качественного образования как основы достойной жизни и устойчивого развития. Чрезвычайно важным для нашей модели то, что именно в рамках этой 4-й цели особое внимание уделяется проблеме

разграничения области применения искусственного интеллекта и сферы действия прав человека;

ЦЕЛЬ 5: ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО, являющееся не только основным правом человека, но и необходимым условием мирного и устойчивого существования;

ЦЕЛЬ 8: ДОСТОЙНАЯ РАБОТА И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, предполагающая, что для ликвидации финансового неравенства необходим пересмотр экономической и социальной политики;

ЦЕЛЬ 10: УМЕНЬШЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА как преодоление разрывов между людьми и странами;

ЦЕЛЬ 16: МИР, ПРАВОСУДИЕ И ЭФФЕКТИВНЫЕ ИНСТИТУТЫ как содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития;

ЦЕЛЬ 17: ПАРТНЕРСТВО В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ, предполагающая работу по налаживанию партнерских отношений на глобальном, региональном и местном уровнях.

Влияние цифровизации на профессиональную сферу

В последние годы в связи с глобальной цифровизацией общества произошел настоящий взрыв исследований на тему последствий этого процесса для личности и общества. В целом ряде исследований изучалось влияние инновационных технологий на определенные профессии и навыки. Так, указывается, что будущее разделение труда между людьми и компьютеризованными системами различного уровня сложности зависит от сложности автоматизации задач, связанных с восприятием, творческим интеллектом и социальными навыками. Благодаря достижениям в области машинного обучения и мобильной робототехнике до 47% профессий общей занятости в США относятся к категории высокого социогуманитарного риска, связанного с грядущей компьютеризацией этих профессий [25]. Соответствующий показатель, например, для Финляндии составляет 36% [26]. Профессии, подверженные риску, включают в себя специальности, связанные с ручным трудом, менеджерские работы, медицинская диагностика и хирургия, образование, построенное на непосредственном взаимодействии учителя и ученика, в то время как наиболее сложно компьютеризируемые специальные знания требуются в сферах искусства, СМИ и прорывных компьютерных науках. Задания, которые останутся, включают задачи, требующие знаний, основанных на человеческой эвристике, и разработку новых идей и артефактов, необходимых для работы специалистов.

Практически все авторы указывают, что риску замещения подвергаются не столько категории профессий, сколько сами профессиональные навыки, связанные с выполнением конкретных заданий. Существует базовая таксономия профессиональных заданий, предполагающая пять основных категорий [27]:

1. Нестандартные когнитивно-аналитические задачи, включающие в себя решение проблем без каких-либо заданных правил решения. Эти задачи требуют творческого решения проблем. Большинство экспертных задач относится к этой категории;
2. Нестандартные когнитивные межличностные задачи, включающие взаимодействие с людьми с целью приобретать, передавать информацию или заставлять другое лицо действовать на основе определенной информации. Такие задачи включают управление и работы, связанные с продажами;
3. Рутинные когнитивные задачи, которые можно описать с помощью логических правил. Например, простые офисные задачи, такие как одобрение различных заявок и выставление счетов относятся к этой категории;
4. Рутинные задачи, включающие ручной труд, алгоритм которого можно описать с помощью правил. Сборочные и сортировочные работы, например, принадлежат к этой категории.
5. Нестандартные задания, основанные на ручном труде, выполнение которых требует координации внимания с тонкой моторикой как основной двигательных навыков. К таким задачам относится уборка помещений, вождение автомобиля по городу, полеты по заданным маршрутам.

Разумеется, переформатирование профессиональных навыков в результате компьютеризации целых сфер человеческой деятельности связано не только с риском увеличения безработицы (негативный результат цифровизации), но и с существенными преимуществами профессионального развития за счет тренировки новых навыков и формирования адекватного изменяющимся условиям профессионального, управленческого и экономического мышления (позитивный результат цифровизации).

Разрабатываемая аналитическая модель Социогуманитарные риски глобальной цифровизации общества строится на системе взаимосвязанных элементов, представляющих отдельные перспективные направления исследования, а именно:

- разработка и обоснование единой методологии гуманитарных рисков, связанных с глобальной цифровизацией человека и общества;
- концептуализация, определение и разработка показателей гуманитарной экспертизы в области внедрения цифровых технологий;
- количественная и качественная оценка последствий внедрения систем искусственного интеллекта и машинного обучения для кадрового потенциала;

- изучение влияния социальных онлайн сетей как гуманитарного аспекта глобальной цифровизации на процессы формирования малых и больших профессиональных и социальных сообществ;
- анализ влияния феномена цифровой пропасти на социально-психологическую адаптацию профессиональных и возрастных групп, разделенных по уровням навыков цифрового обучения, включая наиболее уязвимые группы общества — пенсионеры, уволенные в запас военные, люди с ограниченными возможностями (см. Таблицу 1);
- создание обучающих и тренинговых мультимедийных программ по развитию совладающих навыков и soft skills, а также навыков критического мышления у руководителей малого, среднего и высшего звена, связанных с необходимостью принятия решений в ситуациях с высокой неопределенностью, а также под воздействием стрессогенных факторов, вызванных информационными перегрузками;
- изучение феномена снижения качества гуманитарной профессиональной экспертизы в области массовых коммуникаций и масс-медиа, возникающего вследствие ограниченного профессионального роста, связанного с отставанием уровня трансляции знаний в эпоху акселерации цифровых технологий;
- анализ этических и регулятивных последствий глобальной автоматизации принятия решений на общественную безопасность.

Целевая социогуманитарная инициатива мониторинга, предупреждения и минимизации последствий цифровизации общества

Внедрение цифровизации в российском обществе сопровождается преобразованиями не только в сфере технологий, но и в сопряженных областях социальной поддержки необходимых перемен. По мере того как социогуманитарные риски осознаются обществом и государством, социальные институты должны предпринимать конкретные шаги по минимизации последствий этих рисков как для конкретного человека, так и для определенных, находящихся в зоне риска социально-демографических групп. Например, обеспечение пенсионной реформы, затронувшей весьма широкую возрастную группу общества, включает в себя несколько комплексных специальных программ, разработанных и поддержанных Правительством Российской Федерации. Так, в Распоряжении от 30 декабря 2018 года №3025-р обоснованы цели Специальной программы профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан предпенсионного возраста на период до 2024 года. Программа включает в себя широкий набор конкретных инструментов по опережающему обучению тем навыкам, знаниям и компетенциям, которые будут необходимы в освоении профессиональных видов деятельности, возникших вследствие трансформации традиционных профессий [28].

По аналогии, схожая система мониторинговых, предупредительных и минимизирующих неизбежные социогуманитарные риски глобальной цифровизации общества мер должна быть разработана и внедрена параллельно с необходимым законодательным сопровождением. Аналитические разработки позволяют предположить, что различные возрастные группы, стратифицированные по признакам пола и социально-экономического статуса, будут подвержены определенным социогуманитарным рискам с различной прогнозируемой степенью вероятности.

Приведенная ниже матрица взаимосвязи социогуманитарных рисков с социальными группами может послужить отправной точкой в разработке обозначенной целевой социальной инициативы:

Социальная группа	Тип социогуманитарного риска, возникшего как следствие цифровизации общества	Мероприятия по предупреждению или минимизации социогуманитарного риска
Младенцы от рождения до 3 лет [27]	Риск замедленного психо-моторного развития	Дополнительное образование родителей о вреде для здоровья младенцев цифровых гаджетов
Дошкольники от 4 до 6 лет	Замедление навыков коммуникации, рисования и чтения	Программы дошкольного дополнительного образования, направленные на развитие психомоторных и когнитивных навыков
Младшие школьники от 7 до 12 лет	Риск замедления когнитивного развития в результате сужения сферы внимания	Дополнительное образование учителей младших классов, подчеркивающее роль усвоения знаний, непосредственного компьютерными технологиями
Подростки от 12 до 16 лет [27]	Усиление форм девиантного поведения как следствия подмены навыков совладания со сложными жизненными ситуациями компьютерно-игровыми навыками, развивающимися исключительно в цифровой среде	Дополнительное образование для родителей и учителей, направленное на развитие навыков совладающего интеллекта, связанных с непосредственными цифровой средой видами активности
Молодежь в поисках профессии от 15 до 24 лет [28]	Риск формирования несистемного, упрощенного, профессионального мышления, развивающегося в результате ограниченного онлайн-платформами образования	Ориентированные на молодежь социогуманитарные программы по развитию навыков критического мышления
Молодой возраст от 24 до 44 лет [29]	Угроза разбалансирования между сферой личной жизни и работы	Дополнительное образование на основе методологии совладающего интеллекта, направленное на развитие навыков по оптимизации регулирования семейной жизни и профессиональной сферы
Средний возраст от 44 до 60 лет	Риск потери квалификации как следствие необходимости постоянного совершенствования профессиональной экспертизы	Специализированное, направленное на переквалификацию специальное образование. Трансляция знаний между сферами деятельности

Зрелый возраст от 60 до 75 лет	Риск снижения уровня профессиональной активности в связи с цифровизацией сфер деятельности	Программы дополнительного образования по развитию новых профессиональных навыков. Социально-значимые волонтерские программы
Преклонный возраст от 75 до 90 лет [30]	Отсутствие навыков самостоятельной рекреативной активности вне дома и вне семьи	Возрастные программы развития рекреативных навыков в формате дополнительного образования
Долгожители 90 и старше [31]	Риск ухудшения когнитивного и социального здоровья в результате социальной изоляции как следствия цифровизации разных видов социальной активности	Социально-психологические программы активного долголетия

Табл. 1. Матрица основных социогуманитарных рисков, стратифицированных по демографическим группам общества

Необходимо отметить, что приведенная матрица описывает деление на группы далеко за пределами принятого деления популяции на возрастные группы по критерию трудоспособности.

Заключение

Меддисциплинарное взаимопроникновение инженерных, естественно-научных и гуманистических подходов с целью улучшения качества человеческой жизни инновационными технологиями стало отправной точкой для новых разработок в 21 веке. Исследователи во многих областях знания и обучения являются участниками парадигматического перехода в науках о человеке от «механоцентричных», «цифровизационных» к «сфокусированным-на-человеке-и-его-потребностям» принципам, призванным трансформировать саму цель существования систем искусственного интеллекта, от инженерного замысла до его воплощения в жизнь [32,33]. Отличительной чертой современного общества, как и человеческого мира в целом, является одновременно его многообразие и уникальность. Симуляционные модели человеческого существования, основанные на цифровой имитации профессиональной и повседневной деятельности, обучения и социального взаимодействия, не должны пытаться имитировать, а тем более подменять лежащие в основе регуляции жизни Homo Sapiens смысловые ценности, направленные на "обеспечение здорового образа жизни и благополучия и безопасности для всех в любом возрасте" [24].

ЛИТЕРАТУРА

1. ШВАБ К. **Четвертая промышленная революция**. Москва: Издательство "Э", 2018. 208 с.
2. SCHWAB K. **Our global system has spun out of control. Here's how to rebalance it.** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/02/how-to-rebalance-our-global-system/> (дата обращения 8 февраля, 2019).
3. LIBIN, ALEXANDER & LIBIN, ELENA. **Cyber-Anthropology. A Merge of Human and Technological Worlds.** pp. 460–467. In: Hybridreality: Art, Technology, Human Factors. Montreal: IOS Press, 2003.
4. **Universal Declaration of Human Rights**, United Nations, 1948.
5. **The Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms**, Council of Europe, Rome, 1950.

6. **Болонские преобразования и гуманитарный вуз: проблемы, приоритеты, перспективы.** Реферативный бюллетень. — Москва: РГГУ, 2005.
7. **National Commission for the Protection of Human Subjects of Biomedical and Behavioral Research, Department of Health, Education and Welfare (DHEW)** (30 September 1978). *The Belmont Report*. Washington, DC: United States Government Printing Office.
8. BEAUCHAMP, TOM L. **The Origins, Goals, and Core Commitments of The Belmont Report and Principles of Biomedical Ethics**, in *The Story of Bioethics*, ed. Jennifer K. Walter and Eran P. Klein, Georgetown University Press: 2003, pp. 17–46.
9. ПАВЛЕНКО О. В. **Научная миссия РГГУ: приоритеты и практики гуманитарного знания** // Высшее образование в России. № 2. 2017 С. 133–140.
10. БЕЗБОРДОВ А. В., А. В. КОРЧИНСКИЙ, О. В. ПАВЛЕНКО, П. П. ШКАРЕНКОВ. **Культурная история как основа исторического образования гуманитариев** // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4–2 (10). С. 300–305.
11. ЛИБИНА Е. В. **Совладающий интеллект.** Москва: ЭКСМО, 2008. 320 с.
12. LIBIN, ELENA. **Coping Intelligence: Efficient and inefficient stress management.** *Frontiers, Coping with Life Stress*, Lausanne, Switzerland, 2018.
13. ЛИБИН А. В. **Принципы теории ментальной иерархии: о соотношении универсального и уникального в человеческой психике** // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 5. С. 75–90.
14. ЛИБИН А. В. **Дифференциальная психология: наука о сходстве и различиях между людьми.** Учебник для ВУЗов. 5-е изд. Москва: ЭКСМО, 2008. 540 с.
15. THE GLOBAL RISKS REPORT 2019, 14TH EDITION. **World Economic Forum.** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2019> (дата обращения 8 февраля, 2019).
16. АРХИПОВА Н. И., НАЗАЙКИНСКИЙ С. В., СЕДОВА О. Л. **Современные проблемы управления персоналом,** Москва: Проспект, 2018. 160 с.
17. ЧЕРНУХИНА И. А., ПОМОРЦЕВА И. М. **Финансовая среда бизнеса: управление предпринимательскими рисками.** Москва: Медиа Академия, 2008. 140 с.
18. **Стратегический глобальный прогноз 2030.** ИМЭМО. Под ред. Академика А. А. Дынкина. Москва: Магистр, 2011. 88 с.
19. СКИННЕР К. **Человек цифровой.** Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 304 с.
20. ПАВЛЕНКО О. В. (СОВМЕСТНО С И. А. БАСКАКОВОЙ, Е. В. ВАСИЛЬЕВЫМ, И. Ю. КРАВЧЕНКО) // **Актуальные тенденции международного развития в материалах зарубежных экспертно-аналитических центров (ноябрь 2015 г.).** Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/thinktanks/?id_4=2195 (дата обращения 8 февраля, 2019).
21. БУШУЕВ В. В., ГОЛУБЕВ В. С. **Естественно-научные основы социального гуманизма.** Москва: Ленанд, 2018. 112 с.
22. **United Nations Conference on the Human Environment,** Stockholm, 1972.
23. **United Nations Conference on Environment and Development (UNCED),** Agenda 21, the Rio Declaration on Environment and Development, the Statement of Forest Principles, the United Nations Framework Convention on Climate Change and the United Nations Convention on Biological Diversity, Rio de Janeiro, 3–14 June 1992.
24. UNESCO. **Education for Sustainable Development Goals – Learning Objectives,** 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247444> (дата обращения 8 февраля, 2019).
25. ARNTZ, M., T. GREGORY AND U. ZIERAHN, **The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis,** OECD Social, Employment and Migration Working Papers, No. 189, OECD Publishing, Paris, 2016
26. PAJARINEN, M., AND ROUVINEN, P. **Computerization threatens one third of Finnish EMPLOYMENT.** ETLA Brief, 2016, 22, 13.
27. AUTOR, DAVID; LEVY, FRANK/MURNANE, RICHARD. **The skill content of recent technological change: An empirical exploration.** *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 118, No. 4, 2003, pp. 1279–1333.
28. **Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2018 N3025-р. Об утверждении специальной программы профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан предпенсионного возраста на период до 2024 года** (вместе с "Планом мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан предпенсионного возраста на период до 2024 года"). [Электронный ресурс]. URL: <http://rulaws.ru/goverment/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-30.12.2018-N-3025-r/> (дата обращения 8 февраля, 2019).
29. DAVID KNOPPERS, MICHAEL REED, SANDRA BENAVIDES, JOYCE TOTTON, DAVID HOFF, BRADY MOFFETT, KELLEY NORRIS, REGIS VAILLANCOURT, ROBERT AUCCOIN, MARY WORTHINGTON. **Position paper: Paediatric Age Categories to be Used in Differentiating Between Listing on a Model Essential Medicines List for Children.** *World Health Organization,* 20 April 2007. [Электронный ресурс]. URL: [HTTP://ARCHIVES.who.int/eml/expcom/children/Items/PositionPaperAgeGroups.pdf](http://ARCHIVES.who.int/eml/expcom/children/Items/PositionPaperAgeGroups.pdf) (дата обращения 8 февраля, 2019).
30. **TFA Global Monitoring Report. Youth and skills. Putting education to work.** UNESCO, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single%20view/news/soglasno_novomu_dokladu_junesko/ (дата обращения 8 февраля, 2019).
31. OMAR B. AHMAD, CYNTHIA BOSCHI-PINTO, ALAN D. LOPEZ, CHRISTOPHER JL MURRAY, RAFAEL LOZANO, MIE INOUE. **Age standardization of rates: a new WHO standard.** GPE Discussion Paper Series: No. 31 EIP/GPE/EBD World Health Organization, 2001, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/healthinfo/paper31.pdf> (дата обращения 8 февраля, 2019).
32. LIBIN A. & LIBIN, E. **Robotic Psychology. In: Spielberg, Charles (Ed.). Encyclopedia of Applied Psychology.** Oxford: Elsevier, 2004. pp. 295–298
33. LIBIN A. & LIBIN E. **Digitalization in Education: Pros & Cons. The 2013 International Group of Ex Libris Users (IGeLU)** conference was hosted by the Free University Berlin, Germany 8–10 September 2013.

«Группы смерти» и «колумбайн-сообщества» в онлайн-культуре и реальном социуме

Статья рекомендована Т.В. Ершовой 12.04.2019.

БАЕВА Людмила Владимировна
Доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных коммуникаций Астраханского государственного университета

Аннотация

Условия современной онлайн-культуры (электронной, цифровой, кибер) вызывают трансформации в важнейших сферах жизни человека, имеющих как позитивное, так и негативное, рискованное воздействие. Значительную роль в формировании мировоззрения и социализации современной молодежи играют виртуальные сообщества, роль которых так же может быть неоднозначной. Виртуализация коммуникации и образа жизни человека создает комплекс угрожающих безопасности человека проблем, в том числе экзистенциальных и связанных с разочарованием в жизни, эскапизмом и бегством от реальности. Объектами данного исследования являются «группы смерти» (такие как «Синий кит», «Разбуди меня в 4.20» и их аналоги), ставшие популярными в социальных сетях в России с 2015 г., подталкивающие подростковую аудиторию к совершению самоубийств, а также так называемые «колумбайн-сообщества», пропагандирующие акты агрессии и убийств в учебных заведениях, совершаемые по аналогичному сценарию событий в американской школе Колумбайн в 1999 г. Актуализация исследования обусловлена серией терактов, совершенных в учебных заведениях в России в 2018 г., имеющих сходные механизмы и проявления. Эти события, как и предшествующие, связанные с серией суицидов подростков-«синих китов», вызвали широкий резонанс в обществе и повлекли за собой изменения в федеральном законодательстве, связанном с информационными ресурсами.

Ключевые слова:

виртуальные сообщества, «группы смерти», «колумбайн-сообщества», суицид, преступления-копии, медиа, прайминг.

Введение

18 декабря 2018 года в Государственной Думе РФ были приняты поправки в два федеральных закона, связанные с усилением мер по противодействию кибервоздействия на молодежь и подростков. Поправки коснулись Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Внесение этих поправок вызвано требованиями немедленной блокировки интернет-страниц, содержащих информацию, направленную «на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для их жизни и (или) здоровья либо для жизни и (или) здоровья иных лиц» (149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») [1]. Принятие этих поправок было очередной мерой в системе действий, направленных на противодействие киберугрозам в цифровой среде, которые имеют реальные последствия для жизни и здоровья детей, подростков и молодежи. Причинами для этого стали популярные в последние годы в соцсетях деструктивные виртуальные сообщества и группы, призывающие к агрессии или суицидам, ориентированные на детскую, подростковую и молодежную аудитории. Наиболее значимыми среди них по своим трагическим последствиям оказались «группы смерти» и «колумбайн-сообщества», имеющие на первый взгляд различную

направленность, но сходные по методам и целевой аудитории и финальным этапам. Изучению этих угроз и факторам риска и будет посвящена данная статья.

Изучение фактора киберугроз и кибервоздействия в философском и социально-антропологическом разрезе ведется сравнительно недавно, по сравнению с изучением проблем защиты информации и вопросов национальной безопасности. Их актуализация была обусловлена процессом самоорганизации деструктивных виртуальных групп, пропагандирующих агрессию и суицид, ставшим своеобразным трендом в онлайн-культуре. По мере развития виртуальной коммуникации и становления электронной-культуры (онлайн, цифровой) возникли разнообразные факторы риска для человека и его безопасности.

Большинство современных и развитых стран уже столкнулись с определенными последствиями виртуализации культуры и межличностного общения. Наряду с повышением уровня жизни и значительными прорывами в медицине, электронике и робототехнике появились новые девиации, связанные с деформацией отношений между человеком и миром, сверхценным отношением к виртуальной среде и коммуникации, усилением отчужденности человека в реальной сфере. Европейские страны, США, Япония, Китай и Россия уже столкнулись с явлениями «бегства от реальности», связанными с интернет-культурой (зависимые геймеры, хиккикомори и др.), ростом количества подростковых и молодежных самоубийств, вспышек неконтролируемой агрессии, ухода в виртуальные миры, усиления зависимости от гаджетов и онлайн-присутствия в виртуальной реальности, которая сейчас называется одной из угроз для модернизированных культур и экзистенциальной безопасности.

Анализ влияния информационной эпохи, электронной и медиа культуры на современный социум, человека и его мировоззрение в наиболее обобщенном виде и по отдельным проблемам проводили Ж. Бодрийяр [2], М. Хейм [3], Б. Хеллер [4], А. Козник [5], Дж. Маршалл [6], С. Фергюссон и др. [7]. В свою очередь Ф. Шефер [8] и Е. Кастронова [9] непосредственно обращались к анализу экзистенциальных аспектов и рисков развития информационного общества и киберкультуры. Этические и ценностные проблемы, связанные с интернет-культурой, социальными сетями, виртуальными сообществами и виртуальной коммуникацией изучали П. Брэй [10], Р. Капурро [11], А. Дафф [12], Б. Миллер [13], Р. Гилберт и соавторы [14] и др.

Однако вопросам, связанным с изучением деструктивных угроз в электронной культуре, все еще уделяется недостаточно внимания, несмотря на их высокую актуальность. Попробуем отчасти восполнить данный пробел и обратиться к изучению таких острых социальных явлений информационно-глобального мира, как «группы смерти» и колумбайнеры, вызвавших высокий резонанс в российском обществе в последние годы. Информационные материалы для данной работы были получены на основе мониторинга молодежных видеоблогов, сетевых сообществ (сегодня они подвергаются блокировкам), материалов СМИ, как российских, так и зарубежных. Основными методами исследования выступают контент-анализ материалов с сайтов виртуальных сообществ и блогов, экзистенциально-ценностный подход и теория прайминга в изучении факторов преступлений-копий.

«Группы смерти» — феномен направляемого саморазрушения

Одним из крайне опасных в молодежной среде явлений, распространяемых в цифровой среде, стало появление так называемых «групп смерти», ориентирующих участников на самоизоляцию и совершение самоубийства. Эти сообщества ориентированы в первую очередь на детей и подростков, чей возраст связан с неустойчивой психикой и легкой подверженностью различным влияниям. «Группы смерти» впервые появились в России и распространились в социальных сетях в течение 2015–2016 гг., что привело к ряду преступлений, последующих за ними расследований, изменениям в законодательстве РФ и ужесточению мер наказания за доведение лиц до самоубийства, в частности через использование интернета. Подобные сообщества появились и в других странах (включая Украину, Казахстан, Индию), хотя масштабы распространения в них были гораздо меньше.

Начало продвижения «групп смерти» было связано с самоубийством девочки-подростка из сибирского города Уссурийска, которая 22 ноября 2015 бросилась под поезд. Филипп Фокс, администратор виртуальной группы «F 57», связал этот суицид и ряд самоубийств подростков с влиянием своей группы. Затем он связал свою группу с группами «Море китов» и «Тихий дом», в итоге объединив 8 групп, в которых участники интересовались историями смерти, самоубийства, представленных в ореоле мученичества, жертвенности и героизации их образов. Тема суицида, которая традиционно привлекает внимание молодежи, находящейся в переломном возрасте и кризисных ситуациях, быстро стала популярной в социальных сетях и электронных СМИ, где приводятся данные о сотнях подростковых самоубийств [15]. «Группы смерти» — общее название для интернет-сообществ, которые под видом выполнения заданий в игровой форме заставляли участников (детей и подростков) в конечном счете совершать самоубийства. Сообщества использовали игровую форму, где день за днем участник должен был выполнять все более сложные задачи, от царапин на руках в форме кита (известного среди млекопитающих своей способностью к самоубийству) до падения с высотных блочных крыш и других форм самоубийства. Таким образом, в 2015–2016 гг. в России покончило собой около 130 детей. За этот период в ВКонтакте насчитывалось не менее 1500 групп, пропагандирующих суициды.

В ноябре 2016 г. в результате расследования 15 случаев смерти детей и подростков (последнее из которых в г. Астрахани удалось предотвратить) 21-летний Филипп Будейкин (Фокс) был арестован, а в 2017 г. приговорен к 3 годам и 4 месяцам колонии общего режима (статья «Доведение до самоубийства и покушение на него»). Впоследствии расследование было продолжено в Краснодарском крае России, республиках Коми, Башкортостане, Москве, Волгоградской, Воронежской, Тульской, Кемеровской, Новосибирской и Омской областях, где так же были выявлены факты принуждения подростков к совершению самоубийства через интернет. В 2017 г. в социальной сети ВКонтакте было зарегистрировано более 4000 групп, имевших своей целью направить подростков на совершение самоубийства. По данным российского уполномоченного по правам ребенка в России Анны Кузнецовой, количество детских самоубийств с 2015 по 2017 год увеличилось на 57 % [16]. При этом следует отметить тот печальный факт, что среди европейских стран в последние годы Россия является лидером

по подростковому самоубийству, по общим суицидам — на 15 месте в мире (по данным рейтинга 2018 года).

Популярность «групп смерти» во многом была связана с использованием игровой формы, где были совмещены онлайн и оффлайн уровни и виртуальные задания должны были реализовываться в жизни. Требования администратора группы «Синий кит», например, задавали такой алгоритм действий для подростка: 1) на своей странице в группе сделать пост с хэштегом #Я в игре, 2) связаться с куратором для получения задач, 3) невыполнение задания приводит к угрозам здоровью и жизни членов его семьи. За каждым членом группы якобы установлен супервайзер, который постоянно за ним наблюдал. Задания приходили каждый день, их было 50 (по аналогии с книгой С. Крамера «50 дней до моего самоубийства»). Первые задания были связаны с тем, что нужно было сделать порезы на руке с изображением кита, встать на край крыши и сделать фотографию, доказывающую, что ты это сделал. Последней задачей было «спасти мир от его присутствия», совершив самоубийство в той или иной форме (спрыгнуть с крыши, нырнуть под поезд, повеситься и многое другое). Типичный возраст членов «групп смерти» составлял в основном 10–14 лет. Для усиления воздействия на аудиторию использовались резкие звуки, призывы, психоделическая музыка, видео смертной казни, а также другие требования по усилению эффектов и действий в ночное время. Подросткам предлагались для просмотра и чтения пессимистичные аниме, романы и фильмы трагического содержания, включающие самоубийство героев. Основными мемами «группы смерти» были синий кит, бабочки, живущие 1 день, надпись «4.20». Последняя надпись была связана с группой «Разбуди меня в 4.20», так же имевшей направленность на совершение самоубийства, где задания подросток получал в 4.20 ночи, находясь в пограничном состоянии сознания, на завершающих этапах практически в состоянии постоянного бодрствования, расшатывающего его психику. Для многих подростков и детей участие в группах воспринималось как экстремальное развлечение. Как и все запретное, связанное с тайной, страхами, участие в группе выглядело как игра, а сами задания были похожи на квест или миссию. Этот механизм был направлен на привлечение все большего числа участников в свои ряды.

После суда над Ф. Будейкиным волна самоубийств подростков начала утихать, а «группы смерти» стали блокироваться администраторами и волонтерами социальных сетей (в первую очередь родителями умерших детей). Однако само явление не исчезло окончательно, оно начало трансформацию. Деятельность администраторов суицидальных групп переместилась на Instagram и в мессенджеры, где контроль за контентом извне был существенно ниже. В сообщества уже невозможно было вступить каждому желающему, поскольку все страницы сообществ были удалены согласно ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Вход в подобные группы претерпел изменения, для этого подросток (желающий) направлял запрос «Хочу играть» или «Ищу куратора» с хэштегом в социальные сети. Кураторы сами приглашали их в группы, проверяя, чтобы по возрасту участник действительно был подростком или ребенком.

В феврале 2018 г. появились вирусные сообщения об игре «Беги или умри», где детям давалось задание перебежать дорогу перед движущимся транспортом. В январе 2018 г. появилась игра «24-часовое исчезновение», подстрекающая

детей покинуть свои дома. Все эти модификации суицидальных сообществ по-прежнему действуют в интернете под различными новыми вывесками. По мнению психологов, информация о совершенных самоубийствах становится вирусной для молодежной аудитории и может стать катализатором совершения подобного акта, поэтому в этих массовых рассылках скрыты механизмы привлечения внимания подростков к этим темам, что уже само по себе имеет деструктивное воздействие. В то же время полагаем, что если угроза является скрытой и администраторы групп действуют не напрямую, а через ассоциативный ряд, то может иметь место эффект прайминга, когда через определенные знаки, мемы запускаются в сознании ассоциации, ведущие к тревожным, саморазрушительным наклонностям. В этом случае принятые в России в 2016–2018 гг. поправки в федеральные законы о немедленной блокировке «групп смерти» и ужесточение уголовного наказания за доведение до самоубийства с использованием интернета — чрезвычайно важные шаги на пути их распространения и воздействия на аудиторию [17].

В мире «группы смерти» также получили свое продвижение, в том числе на Украине, Казахстане, Индии. В 2016–2018 гг. в СМИ неоднократно звучали призывы к усилению бдительности против подобных угроз. Так, в 2017 г. информация об игре суицидальной направленности «Blue Whale Challenge» распространилась в США, Великобритании, Новой Зеландии, Африке, где полиция предупреждала о подобной опасности родителей и детей в школах. В Индии высокий процент детских самоубийств был связан с влиянием «групп смерти» в 2017 г. [18]. Правоохранительные органы Индии предупреждали учителей, что подростки демонстрируют высокий уровень вовлеченности в игру «Момо», иных, подобных группе «Синий кит», просили усилить контроль над детьми [19].

Каковы же источники и основания продвижения подобных групп? Прежде всего они основаны на психологических факторах манипуляции сознанием и поведением. Люди, склонные присоединяться к группам смерти, подвергаются такому же риску, как и последователи тоталитарных сект, высоко восприимчивые к внешним манипуляциям своим сознанием. В группы риска в данном случае попадают те, кто склонны к частой депрессии, имеют слабую волю, кому не хватает социальной поддержки. Еще одним фактором, усиливающим эти особенности, является критический период подросткового возраста, когда люди испытывают острое чувство одиночества, непонимание близких. И, наконец, еще одним важным фактором, способствующим вхождению детей в группы смерти, является тенденция к формированию сильных эмоций, принятию риска, поиску новых острых и опасных ощущений [20]. В «группах смерти» имеет место не просто самоубийство, а манипуляции, навязанные поведенческие сценарии и использование определенных психотехник, что, фактически, делает их формами скрытого насилия. Эти психотехники используют особенности подросткового возраста, интерес к теме смерти, таинственности, а также высокую чувствительность, восприимчивость к насилию и запугиванию, ориентир на взрослого друга (куратора), желание быть взрослым и исключительно сильным. Экзистенциальная «пограничная ситуация», в которой могли оказаться подростки, члены таких сообществ, зачастую были использованы в качестве источника самоуничтожения, приводящего к намеренному самоубийству.

Если «группы смерти» направлены на внутреннее разрушение, то «колумбайн-сообщества» имеют целью внешнюю агрессию, хотя механизмы продвижения этих сообществ во многом сходны, как и финальная точка, связанная с самоубийством.

Колумбайн-сообщества и эффект прайминга

Возникновение «колумбайнеров» связано с массовой стрельбой в школе Колумбайн (Колорадо, США), совершённой подростками Эриком Харрисом и Диланом Клиболдом 20 апреля 1999 года, жертвами которой стали 13 человек и пострадали еще 24. После неудавшегося минирования столовой они расстреляли школьников и учителей, а затем расстреляли друг друга в помещении школьной библиотеки. Их преступление стало источником для многих последующих подражаний, терактов-копий, совершенных подростками в США, а затем и других странах. Преступлений подражателей Колумбайн в США насчитывают уже более 70. В Европе массовые убийства в школах были в Швеции в 2015 г. (там во многом причиной стала расовая нетерпимость, преступник выбрал школу, в которой около 90% учеников были детьми мигрантов), в Финляндии подобные преступления имели место несколько раз (в 2007, 2008 и 2012 годах), в Эстонии — в 2014 г. и во Франции — в 2017 г.

В России с 2014 г. было совершено 7 подобных преступлений. Первое из них произошло в феврале 2014 г., когда десятиклассник московской школы № 263, вооруженный винтовкой и карабином, застрелил учителя географии, взял в заложники одноклассников. После приезда полиции он убил одного и тяжело ранил другого полицейского, затем сдался, а позже был объявлен невменяемым и избежал приговора. Начиная с 2017 г. подражание «колумбайнерам» стало активно продвигаться в России в виртуальных сообществах через социальные сети. Так, в четырех сообщества «ВКонтакте» «Эрик Харрис и Дилан Клиболд», «True columbine», «Columbine edits» и «Тупо колумбайнер» в 2017 г. состояло более 6,5 тысячи подписчиков (ныне заблокированы). Они сами называли себя «мафией плащей», обменивались в группах советами, где купить очки и плащи как у их кумиров, какое оружие лучше и для чего, обсуждали свою ненависть к школе, учителям и одноклассникам. В группах размещались фото и видео из дела Колумбайн, действия Харриса и Клиборда романтизировались и героизировались как подростков, замученных окружением и решившихся на вызов обществу. Среди участников сообществ были популярны игры-шутеры, в том числе Doom (в которую играли Харрис и Клиборд), с высоким уровнем насилия, ведение дневников и блогов, восхищение массовыми терактами.

Расстрел «ивантеевского стрелка», девятиклассника из Ивантеевки Московской области в сентябре 2017 г. так же был проведен по сценарию «Колумбайна», внешне он так же пытался подражать Харрису и Клиборду. В ходе расследования выяснилось, что подросток был зарегистрирован в социальной сети «ВКонтакте» под именем одного из стрелков Колумбайна и активно размещал на своей странице видеозаписи и фотографии стрельбы в школе Колумбайн. Прежде чем его страницу заблокировали, на неё успели подписаться почти 14 000 пользователей [21].

В 2018 г. теракты в стиле Колумбайн были совершены в целом ряде российских школ. В Перми в школе № 127 после нападения двух старшеклассников пострадали 15 человек, в том числе сами нападавшие, нанешие друг другу намеренные ранения. В марте 2018 г. в школе № 15 города Шадринска Курганской области 13-летняя ученица открыла стрельбу из пневматического оружия по одноклассникам, в результате инцидента пострадали семь подростков. Наиболее массовой стала бойня в Керченском политехническом колледже в октябре 2018 г., когда от действий 18-летнего студента погибли 21 человек, 50 были ранены, сам он застрелился в библиотеке характерным для колумбайнеров способом. Керченский стрелок был одет подобно школьникам из Колумбайна — в белую футболку (с надписью «Ненависть»), черные брюки, высокие ботинки, тактические перчатки. Как и Э. Харрис, студент стрелял из помпового ружья, заминировал буфет (где произошел взрыв), использовал самодельные взрывные средства.

Причины, факторы, источники

Преступления-копии в стиле Колумбайн во многом связаны с широкой распространенностью запускаящих их причин, в том числе с культом насилия в медиакультуре, повышенной агрессивностью среди молодежи, доступностью оружия, глобальной коммуникацией, культивируемым в соцсетях стремлением привлечь к себе внимание. Колумбайнеры, по их собственному мнению, это результат травли и унижений подростков (со стороны одноклассников, учителей, улицы, родителей), они считают себя никому не нужными и ненавидят свое окружение. Так же, как в «группах смерти», подросток ненавидит свою жизнь и хочет от нее избавиться, только в случае с колумбайнерами еще и отомстив обидчикам. Психологический портрет колумбайнера, составленный нами на основе изучения молодежных видеоблогов, во многом похож на участника суицидальных групп: неустойчивая психика, слабая воля, высокая чувствительность, асоциальность, некоммуникабельность, отстраненность, неудовлетворенность собой, ненависть к окружающим, стремление обвинить других в собственных проблемах. С одной стороны, колумбайнеры оказываются жертвами, с другой — преступниками, а в конечном счете — самоубийцами. В то же время, если обратиться к позиции психологов-криминалистов, то колумбайнеры будут представлены не как затравленные жертвы, решившиеся на месть, а скорее как наиболее агрессивные и асоциальные подростки, переносившие в реальность игру в насилие и желающие привлечь максимум внимания. В таких сложных социальных явлениях однозначных ответов быть не может, однако попробуем выделить основные версии, аргументы и их сильные и слабые стороны:

1. Это подростки, доведенные до крайности издевательствами окружающих (одноклассниками, учителями, родителями, уличными хулиганами), которые решились на месть в форме теракта (не имеющего политического характера). Аргументы: все преступления совершались подростками, у которых действительно были конфликты с их окружением, либо они были значительно обособлены от остальных. Это своего рода мученики, которые вынужденно стали радикалами [22].

2. Это следствие состояния современного общества с культом насилия, транслируемого через медиакультуру. Аргументы: легитимация насилия, пропагандируемая массмедиа и связанная с коммерциализацией, в результате чего в сознании молодежи формируется образ героя, убивающего всех, кто стоит у него на пути, навязываемого через фильмы и видеоигры. Все молодые люди, совершившие преступления, играли в шутеры с высоким порогом насилия, стремились к максимуму внимания к себе в интернете, утверждению своего образа-героя, распространенного в современной онлайн-культуре [7].
3. Трагедия в школе Колумбайн была совершена психически нездоровыми подростками, имевшими проблемы с гневом, высокой агрессивностью, конфликтовавшими с окружающими по причине их собственного неприятия мира. Последующие копии совершены подростками, тоже имеющими проблемы с нестабильной психикой. Этот фактор накладывался на другие: увлеченность видеоиграми с высоким порогом насилия, конфликты с окружающими, переходный возраст и др. [23].
4. Продвижение суицидальных групп и колумбайнеров является скрытой формой манипуляций, осуществляемых с вредоносными, преступными целями. Аргументы: механизмы действия групп основаны на знании подростковой психологии, принципов внушения, управления поведением, прайминга и др., что не может быть стихийным или созданным случайными людьми.

Особо следует выделить фактор вирусного распространения информации о совершенных преступлениях и суицидах, которая становится источником для новых актов («эффект Вертера», согласно которому информация о суициде вызывает подражания). По мнению исследователей, фактор медиа (видеоигр, а также современных соц. сетей) выступает в данном случае не как источник, а как дополнительный импульс, связанный с вирусным влиянием информации о насилии. Так, Л. Берковиц в работе «Агрессия: причины, последствия и контроль» связывает рост агрессии в обществе с теорией прайминга [24], согласно которой восприятие насилия вызывает у зрителя ассоциативный ряд и укрепляется в сознании, расширяясь подобно эпидемии. Источником агрессии являются негативные воспоминания, ассоциации, которые воскресают в памяти человека при восприятии контента с насилием в СМИ. Запускать подобные реакции может не только контент с реальным насилием, но и игровые практики, что получает усиленный эффект в случае, когда складываются и иные неблагоприятные факторы (социальные, психические, экономические, межличностные).

Изучение двух типов деструктивных интернет-сообществ показывает целый комплекс стоящих за ними проблем, главными из которых можно назвать следующие:

- *внутренние факторы* — высокий уровень психологической неустойчивости молодежи, отсутствие позитивных смысло-жизненных ориентиров и ценностей в реальной жизни, склонность к саморазрушению и агрессии под влиянием легитимации насилия в культуре;

- *внешние факторы* — социальная напряженность в учебных заведениях, семьях, на улицах, высокий уровень насилия в подростково-молодежной среде, культ насилия, навязываемый СМИ и медиакультурой, как способ преодоления любых проблем, намеренное навязывание с помощью манипулятивных психотехник сценариев для разрушения личности или вовлечение в преступную деятельность, отсутствие возможностей для позитивного саморазвития.

Эти факторы оказывают наибольшее влияние на тех, кто входит в «группы риска» (неустойчивая психика, слабая воля, высокая чувствительность, асоциальность, тяга к экстремальным ощущениям, высокая восприимчивость и т.д.). Серьезные риски связаны также с переносом ценностей в виртуальные миры, социальные сети, что усложняет реальное общение и способность решать жизненно важные задачи, а значит, развивает деструктивный образ мышления и саморазрушительное поведение.

Статья написана в рамках исследования, финансируемого Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 18-011-00056.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»** http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103797/a12e592436009d6119af2egf9239cec795ce53f8/#dst100035
2. BAUDRILLARD J. **Simulacra and Simulation**. Translated by Sheila Faria Glaser. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1994.
3. HEIM, M. **The Metaphysics of Virtual Reality**. New York: Oxford University Press, 1993.
4. HELLER, P. B. **Technoethics: The Dilemma of Doing the Right Moral Thing in Technology Applications**. *International Journal of Technoethics*, 3(1), pp/ 14–27, 2012.
5. KOSNIK, A. **Rogue Archives: Digital Cultural Memory and Media Fandom**. MIT Press, 2016.
6. MARSHALL, J. P. **Culture, Disorder, and Death in an Online World. Virtual Community Participation and Motivation: Cross-Disciplinary Theories**. I-Global, Hershey, PA: Information Science Reference, pp. 330–347, 2012.
7. FERGUSON, C.J., GARZA, A., JERABECK, J., RAMOS, R., & GALINDO, M. **Not Worth the Fuss af-ter All? Cross-sectional and Prospective Data on Violent Video Game Influences on Aggression, Visuospatial Cognition and Mathematics Ability in a Sample of Youth**. *Journal of Youth and Adolescence*, 42, pp.109–122, 2013.
8. SCHÄFER, F. **Ludic Philosophy: Subjectivity**, Choice and Virtual Death in Digital Media. *Digital Culture & Education*. Vol. 1, 2009. URL http://www.digitalcultureandeducation.com/uncategorized/dce1016_schafer_html.
9. CASTRONOVA, E. **Synthetic Worlds**. University of Chicago Press, 2008.
10. BREY, P. **The Ethics of Representation and Action in Virtual Reality**. *Ethics and Information Technology*, 1(1), pp. 5–14, 1999.
11. CAPURRO, R. **Towards an Ontological Foundation of Information Ethics**. In: *Ethics and Information Technology*, 8(4), pp. 175–186, 2006. Retrieved from <http://www.capurro.de/oxford.html>
12. DUFF, A. **The Normative Crisis of the Information Society. Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace**, 2(1), 2008. Retrieved December 2017, from <http://cyberpsychology.eu/view.php?cisloclanku=2008051201&article=3>
13. MILLER, V. **Understanding Digital Culture**. London: Sage, 2013.
14. GILBERT, R.L., MURPHY, N.A., & ÁVALOS, C. M. **Communication Patterns and Satisfaction Levels in Three-Dimensional Versus Real-Life Intimate Relationships**. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. October 2011, 14(10), pp. 585–589.
15. **«В 2016 году более 700 подростков в России совершили самоубийство»**. [Electronic resource] <http://tass.ru/obschestvo/4018394> (in Russian)
16. GARETH, D. **Social media 'teen death groups' encouraging suicides sweep across Russia prompting 57 percent increase in youngsters taking their own lives**. 07.04.2017. Retrieved February 2018, from <http://www.dailymail.co.uk/news/article-4374978/Social-media-death-groups-prompts-57-rise-suicides.html#ixzz57Rb7E6gz>
17. УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС. СТ. 110. **Доведение до суицида**. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ee13dabebo/ (in Russian)
18. SRIVASTAVA, D. **What the Blue Whale Challenge's popularity tells us about vulnerable teen-agers?** 2017. Retrieved October 2018, from <https://www.firstpost.com/living/what-the-blue-whale-challenges-popularity-tells-us-about-vulnerable-teenagers-3924181.html>

19. **Press Trust of India. «Momo Challenge: ICSE association in West Bengal warns schools about 'game', suggests awareness drives for parents and students».** 2018. Retrieved November 2018, from <https://www.firstpost.com/india/terrorists-who-killed-bjp-leader-anil-parihar-in-kishtwar-have-been-identified-claims-jammu-and-kashmir-governor-satya-pal-malik-5504271.html>

20. KUSS, D.J., GRIFFITHS, M.D., KARILA, L., & BILLIEUX, J. **Internet Addiction: a Systematic Re-view of Epidemiological Research for the Last Decade.** *Current Pharmaceutical Design*, 20, pp. 4026–4052, 2014.

21. **Парламентская газета. 2018.** <https://www.pnp.ru/social/vozmozhen-li-kolumbayn-v-rossii.html>.

22. WATSON, JUSTIN. **The Martyrs of Columbine: Faith and Politics in Tragedy.** New York: Palgrave Macmillan, p. 25, 2002.

23. TOPPO G. **10 Years Later, the Real Story behind Columbine.** *USA Today* (14.04. 2009)

24. БЕРКОВИЦ Л. **Агрессия: причины, последствия и контроль.** СПб.: Prime Euro Sign? 2007. 510 с.

71% москвичей пользуются цифровыми платформами почти каждый день

Департамент информационных технологий города Москвы и городская платформа о цифровых технологиях столицы ICT.Moscow провели исследование цифровых экосистем столицы. Анализ показал, что цифровые платформы стали привычным инструментом в повседневной жизни москвичей.

Почти все жители Москвы в возрасте от 18 до 60 лет, опрошенные онлайн, знают (99,5%) и пользуются (99%) цифровыми платформами. Бизнес же видит в экосистемной бизнес-модели большой потенциал, а 75% экосистем планируют экспансию в течение 2–3 лет. Согласно опросу, в использовании экосистем москвичи видят экономию денег (71%), но больше ценят удобство (75%) и экономию времени (72%). 53% опрошенных готовы полностью перейти на цифровые сервисы для решения повседневных задач. 7% горожан уже работают или подрабатывают с помощью цифровых платформ, 52% рассматривают такую возможность. Москвичи выделили самые популярные отрасли применения цифровых платформ: финансовую (78%), онлайн-покупки (76%), транспортную (67%), медиа и развлечения (62%). Женщины значительно чаще совершают онлайн-покупки (82%) и пользуются услугами доставки еды (51%). Наиболее популярные цифровые платформы в сфере онлайн-покупок — Avito (34%), Ozon (32%), в финансовой отрасли лидирует Сбербанк (65%), в транспорте — "Яндекс.Такси" (53%). В области поиска работы наиболее популярны HeadHunter (34%) и SuperJob (17%), в недвижимости — ЦИАН

(25%) и Avito (17%). В качестве эталонных цифровых платформ чаще всего москвичи называли Яндекс (10%), Avito (10%), "Сбербанк Онлайн" (8%) и Ozon (6%). Эталонные платформы, с точки зрения аудитории, обладают следующими характеристиками: удобство, большой выбор, все в одном месте, а также простота использования и скорость работы.

В рамках исследования был проведён опрос более 40 крупных цифровых платформ столицы ("Сравни.ру", ДОС+, "Почта Банк", В2В-Center, краудфандинговая платформа Planeta.ru, Foodmap, Renty.me, "Заработал.ру" и другие), который показал, что большая часть экосистемных сервисов (71%) хотят развиваться в активном диалоге с городом. Также авторы исследования получили экспертные комментарии представителей порядка 20 компаний из разных сфер бизнеса ("Авито", CarPrice, Hitachi Vantara, IBM, REG.RU, МГТС и другие). Среди основных тенденций развития цифровых экосистем эксперты выделили автоматизацию процессов, персонализацию предоставляемых услуг, конкуренцию непосредственно между самими экосистемами и предсказали значительный рост экосистем в ближайшие годы.

Использование информационных технологий для реализации модели смешанного обучения в высшем образовании

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 27.02.2019.

ЛЕОНОВА Людмила Аркадьевна
Доцент кафедры математической экономики, академический руководитель программы «Экономика», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород

СУЧКОВА Екатерина Олеговна
Старший преподаватель кафедры банковского дела, заместитель декана факультета экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород

Аннотация

Развитие информационных технологий открывает для преподавателей новые способы взаимодействия с учащимися. Массовые онлайн-курсы (МООС) и смешанное обучение (Blended Learning) являются новыми образовательными технологиями, получившими широкое распространение как на российском, так и на мировом рынке. Возможности и необходимость использования онлайн-образования в системе высшего образования России представляют собой актуальный исследовательский вопрос. В статье рассматриваются существующие возможности использования технологии онлайн-обучения в образовательном процессе, исследуется международный опыт, выделяются сильные и слабые стороны. Отдельное место уделено эмпирическому исследованию отношения студентов российского вуза к МООС.

Ключевые слова:

политические интернет-высшее образование, онлайн-курс, МООС, blended learning.

Образовательная система в России активно меняется. В условиях таких вызовов 21-го века как глобализация, усиление роли информационных технологий, стремление к повышению эффективности труда, система образования не может не эволюционировать, приспосабливаясь к новым требованиям, предъявляемым обществом. Объем онлайн-сегмента мирового рынка образовательных услуг достиг 165 млрд долл., в России эта цифра приближается к 1,8 трлн руб. в 2016 г. [1].

МООС (Massive open online courses) определяется Европейской комиссией как «онлайн-курс, открытый для всех без ограничений (бесплатно и без ограничения посещаемости), целью которого является обучение или исследование, проходящий в течение определённого периода на интернет-платформе, которая предоставляет возможность интерактивного общения между студентами и преподавателями. Также при проведении курса предоставляются учебные материалы для самостоятельной работы и инструменты оценки» [2]. На текущий момент на платформе Coursera зарегистрировано более 28 млн пользователей, которые имеют возможность обучаться на более чем 2000 курсах, предоставленных почти 150 партнерами Coursera. Можно с уверенностью говорить о том, что распространение МООС не оставило равнодушными экспертов высшего образования, причём оценки достаточно противоречивые: «от резкого неприятия как образовательного суррогата, примитивизации содержания и формы до восторженных приветствий МООС как нового образовательного формата, который разрушит современные университеты и заменит их» [3]. Среди основных негативных характеристик онлайн-курсов эксперты образования выделяют следующее:

- Низкая эффективность МООС — по разным данным, заканчивают курс от 5 до 13% слушателей [4].
- Отсутствие рефлексии с преподавателем.
- Слабое взаимодействие обучающегося с группой.
- Внедрение МООС будет способствовать дальнейшему сокращению бюджета на образование [5].

Однако онлайн-курсы имеют и множество сильных сторон.

- Возможность непрерывного образования. Выпускники вузов могут использовать МООС как профессиональную переподготовку для того чтобы обновить свои знания.
- Для крупнейших университетов создание МООС — это возможность включиться в глобальную образовательную систему, расширить рынок потенциальных потребителей образовательных услуг и повысить узнаваемость бренда.
- Высокое качество МООС. Учитывая тот факт, что зачастую открытые образовательные курсы подготовлены ведущими учёными лучших университетов мира, мы можем ожидать, что МООС представляет собой качественный образовательный продукт.
- Образование, предложенное лучшими университетами мира, становится доступным и бесплатным.

Стоит отметить, что по статистическим данным, представляемым крупнейшими образовательными платформами, основными пользователями МООС являются студенты, которые используют онлайн-курсы как дополнительные материалы при подготовке к учебным курсам или с целью расширения набора получаемых компетенций. Крупномасштабный опрос более чем 34 000 пользователей МООС на платформе Coursera, проведённый университетом Пенсильвании показал, что почти четыре из пяти (79,4%) слушателей курса уже имели степень бакалавра или выше. Что касается платформы FutureLearn, то участников, имеющих высшее образование, насчитывается более 78% [20].

В последнее время многие университеты, в том числе и в России, используют МООС как дополнение или замену традиционным университетским курсам. Для оценки реализации данной практики был проведен опрос 180 студентов 1–4 курса образовательной программы «Экономика» (бакалавриат) НИУ ВШЭ — Нижний Новгород. Полученные данные позволяют получить срез, характеризующий отношения главных бенефициаров системы высшего образования к МООС. Начиная с недавнего времени, онлайн-курсы введены в учебный план образовательной программы, и поэтому большинство обучающихся студентов задействованы в системе онлайн-образования.

Полученная структура выборки схожа с генеральной совокупностью всех студентов бакалавриата образовательной программы «Экономика» НИУ ВШЭ — Нижний Новгород. На рис. 1 показано распределение опрошенных студентов

по курсам, а также распределение общего числа студентов, обучающихся по образовательной программе. Количество студентов достаточно равномерно распределено по курсам.

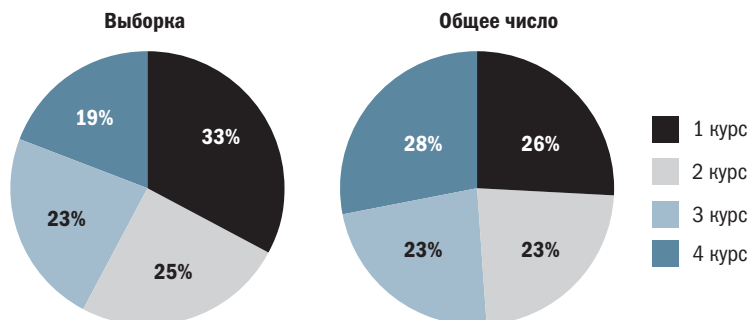

Рис. 1. Распределение студентов по курсу обучения

Рис. 2 демонстрирует гендерное строение выборки и генеральной совокупности студентов, можно отметить присутствие гендерной асимметрии: на факультете экономики преимущественно обучаются девушки. В целом можно отметить, что сформированная выборка отражает ситуацию по образовательной программе в целом.

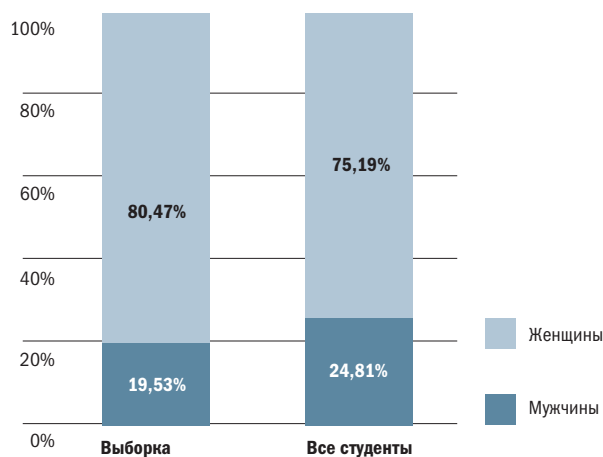

Рис. 2. Гендерный состав

Только 23% студентов регулярно пользуются учебными курсами вне учебного времени и 38% опрошенных иногда прибегают к онлайн-курсам. Надо отметить, что большинство респондентов проходят онлайн-курсы для общего развития, хотя около четверти используют их как помощь в учебном процессе. Заметим, что результаты опроса пересекаются с мотивами выбора студентами МООС, изложенными в исследовании [5].

Принимая во внимание, что многие слушатели воспринимают онлайн-курсы как вспомогательный инструмент, то на вопрос «получается ли закончить онлайн-курс?», положительно отвечает менее 50% респондентов. При этом

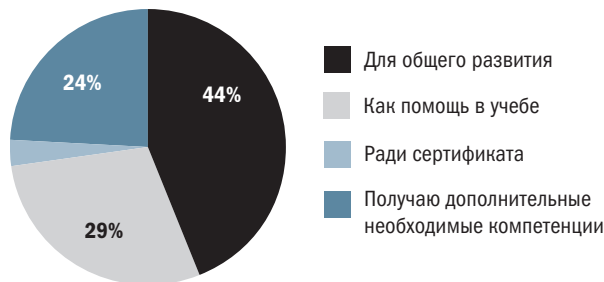

Рис. 3. Цели прохождения онлайн-курсов

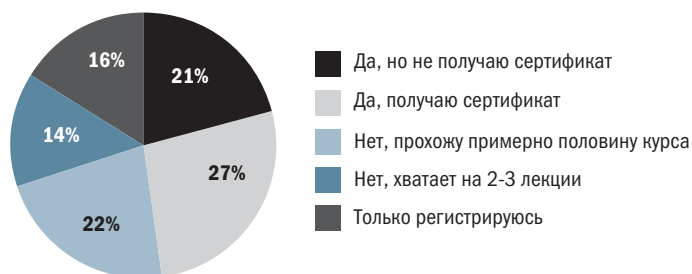

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «У Вас получается закончить онлайн-курс»

необходимо отметить, что каждый шестой пользователь останавливался на факте регистрации на курс. Данная картина может объясняться тем, что студенты не всегда могут спланировать свое времяпрепровождение и выделить достаточно времени на регулярной основе для освоения материала, либо контент онлайн-курса может повторять содержание стандартных курсов и не побуждать слушателей прилагать достаточных усилий.

Замена аудиторных курсов на МООС вызывает энтузиазм примерно у 13% респондентов, 25% — не приемлют подобной замены. Около 60% считают, что сложные курсы лучше проходить с преподавателем в аудитории. Студенты выражают готовность к частичной замене аудиторных курсов на МООС, но в основном по непрофильным предметам, для профильных предметов они готовы использовать МООС как дополнительный материал для самостоятельной подготовки (рис 5).

Следуя логике ответов на следующий вопрос, большинство студентов рассматривают онлайн-курсы как вспомогательный материал к основному аудиторному курсу, в тоже время около 10% участников опроса уже готовы к полной замене аудиторного курса на МООС (рис 6).

Рассмотрим мнения слушателей относительно доли учебных курсов, которую можно заменить онлайн-курсами (рис. 7). Более трети респондентов (37%) готовы к замене более 20% аудиторных курсов онлайн-курсами.

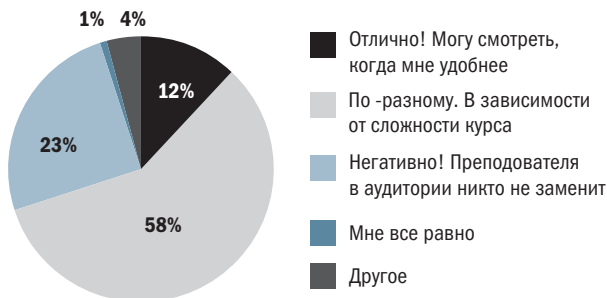

Рис 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к замене учебных курсов в аудитории на онлайн-курсы?»

Рис 6. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, как наиболее полезно использовать онлайн-курсы в учебном процессе?»

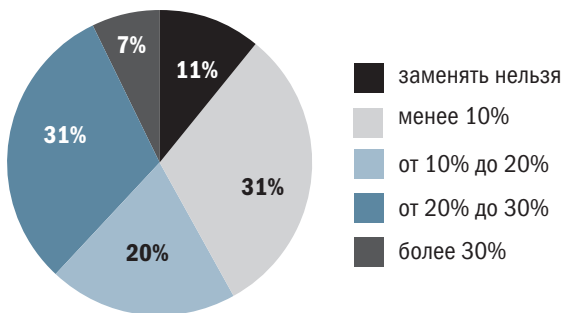

Рис. 7. Часть учебных курсов, которые студенты хотели бы заменить онлайн-курсами

В качестве основных выводов проведенного исследования можно выделить следующее:

- Студенты с энтузиазмом относятся в возможности онлайн обучения.
- В то же время доля обучающихся, закончивших курс, весьма невелика.

- В большинстве случаев студенты не воспринимают МООС как прямую замену учебному курсу и используют возможности онлайн обучения в качестве дополнительного материала для подготовки к университетским занятиям.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть возможность более глубокой интеграции МООС в процесс обучения с целью диверсификации способов и методов получения знания и увеличения вовлеченности обучающегося в учебный процесс.

Новейшие исследования в области проектирования обучения начинают сужать свой фокус с всесторонней заинтересованности МООС до конкретных дискуссий применения МООС в образовательном процессе. Возникает новая парадигма обучения, которая получила своё название как «смешанное обучение» (Blended Learning) или «гибридное обучение» [6]. Смешанное обучение является новой формой устройства образовательной среды, объединяющей очное обучение и информационные технологии.

Студенты используют контент МООС, например, видеолекции для получения информации и тесты для проверки знаний, а на занятиях разбирают материал, обсуждают с преподавателем отдельные темы, выполняют проекты.

Есть несколько подходов к определению смешанного обучения:

- это взаимодействие сетевого и включённого (эмерджентного) обучения [7],
- использование материалов МООС в качестве «нового поколения учебников» для традиционных университетских курсов [8], например, интеграция аудиторных занятий с онлайн-материалами для создания более гибкой и эффективной модели обучения [9],
- комбинация аудиторных и онлайн коммуникаций таким образом, чтобы сильные стороны каждого были объединены в уникальный образовательный опыт, соответствующий контексту и образовательной цели [10].

Исследователи образования сходятся во мнении, что у такой формы обучения есть огромный потенциал. При повсеместном сокращении бюджетов на образование, и, как следствие, уменьшения количества аудиторных часов, отведенных для преподавателей, использование гибридного обучения позволит сохранить качество образовательной программы, так как часть лекций будет передана на «аутсорсинг» [11]. Доля очных и интерактивных учебных мероприятий может значительно различаться.

Далее будут рассмотрены практики проектирования смешанного обучения, которые уже были реализованы в западных университетах.

Университет Пуэрто-Рико [12]

В университете Пуэрто-Рико (Universidad de Puerto Rico) весной 2012 года был предложен учебный курс по программированию с интегрированным онлайн-курсом Стэнфордского университета «Введение в базы данных». Отметим, что онлайн-курс

был синхронизирован с началом учебного курса в кампусе университета. Студенты должны были зарегистрироваться для прохождения МООС и выполнения всех заданий и тестов. В освободившееся аудиторное время преподаватель выполнял роль тьютора, разбирая сложные задачи и консультируя студентов. По окончании курса преподаватель проанализировал данные об использовании студентами контента МООС, а именно: просмотр видео-лекций, выполнение тестов, участие в дискуссионном форуме. Как было отмечено, студенты не активно участвовали в дискуссионном форуме: 62% студентов использовали дискуссионный форум один раз, а около 25% студентов вообще не посещали форумы. С другой стороны, студенты широко использовали интерактивные элементы, такие как видео-лекции и тесты, представленные в МООС, — треть студентов просмотрели все видеозаписи целиком и три четверти аудитории просмотрели более половины. Этот показатель намного лучше, чем при прохождении студентами МООС без аудиторных занятий. Студенты положительно отнеслись к тому, что лекции и дополнительные материалы МООС всегда были доступны по их запросу. В тоже время, они всегда могли получить обратную связь и ответы на сложные вопросы в аудитории.

Университет Вандербильта [6]

В Университете Вандербильта интегрировали МООС Стэндфордского университета по машинному обучению в традиционный учебный курс. Как и в предыдущем примере, старт онлайн-курса совпал с началом учебного курса в кампусе. Студентов просили записаться на МООС, они должны были смотреть лекции и участвовать в дискуссионных форумах, а также выполнять контрольные задания и тесты и предоставлять скриншоты этих работ преподавателю учебного курса. Программа учебного курса была дополнена несколькими темами, которые не были охвачены МООС.

В целом, студенты были удовлетворены такой формой обучения (общая оценка 4.17 по 5-балльной шкале), так как данная форма обучения им показалась более доступной, гибкой с возможностью индивидуальных настроек. Подобно предыдущему примеру, студенты не принимали активного участия в онлайн-дискуссионных форумах. По их словам, они предпочитают общаться «лицом к лицу» в аудиториях, а не на форумах МООС. Среди минусов, студенты отметили несогласованность содержания учебного курса и МООС. Преподаватель учебного курса подчеркнул необходимость проведения дополнительных лекций по темам, не отражённым в МООС, чтобы соответствовать требованиям курса университета.

Западный университет Тимишоара[8]

Интересен опыт проведения смешанного курса по веб-программированию университета Тимишоара. В отличие от предыдущих примеров, студенты сами могли выбрать МООС, который они будут изучать. Главным условием было соответствие содержания МООС программе учебного курса и изучение, по крайней мере, 10% материалов МООС. Основной акцент был сделан на изучении курса

в аудитории, в то же время отдельные темы изучались студентами с помощью МООС с предоставлением скриншотов с результатами выполнения контрольных тестов по изученным темам. Эта практика реализации смешанного курса отличается от предыдущих двух экспериментов, так как студентам разрешили использовать как минимум 10% действующих или архивированных МООС по своему выбору. Таким образом, авторы смешанного учебного курса поощряли студентов к использованию МООС в качестве дополнительных учебных ресурсов, связанных с веб-программированием.

Университет Сан-Хосе [13]

В университете Сан-Хосе интегрировали в учебный курс «схемы и электроника» МООС Массачусетского технологического института. Студенты смотрели лекции самостоятельно и делали домашнее задание, в аудитории они встречались с преподавателем, чтобы обсудить лекции и возникающие вопросы. Кроме того, в аудитории они были поделены на небольшие группы для работы над проектами, которые базировались на информации из МООС. Эта модель была высоко оценена преподавателями и студентами, так как 90% студентов смогли успешно окончить смешанный курс по сравнению предыдущим годом, где только 55% студентов смогли закончить традиционный учебный курс [13].

Тем не менее, студенты и преподаватели выделили некоторые недостатки такого курса, а именно: отсутствие обратной связи на форуме МООС (распространённая проблема) и отсутствие интеграции между результатами прохождения МООС и системой управления обучением в университете (LMS).

Университет Мериленда [14]

В университете Мериленда провели масштабный эксперимент по интеграции МООС в традиционные занятия в кампусе. В кампусах в различных гибридных форматах было реализовано 17 курсов, в том числе по информатике, биологии, статистики и т.д. — всего 1598 студентов. Тем не менее, один курс был полностью онлайн, в котором учащиеся должны были зарегистрироваться и завершить все онлайн-задания. Было проведено семь параллельных сравнительных тестов для оценки образовательных результатов студентов, обучающихся:

1. в смешанном формате (аудиторные занятия + МООС)
2. в традиционном формате (только аудиторные занятия)
3. только МООС

Результаты студентов, обучающихся в смешанном формате, оказались лучше, чем в традиционном или онлайн формате. Как и во всех других экспериментах, были собраны отзывы студентов и преподавателей. Исследователи подтвердили, что онлайн-курсы сами по себе не могут заменить традиционные курсы, так как студенты придают большое значение личному взаимодействию с преподавателями. В этом случае смешанный формат обучения является инновационной формой построения

образовательного процесса, сочетающего в себе сильные стороны традиционного и онлайн-обучения.

Важно отметить, что смешанное обучение — это не традиционный учебный курс, дополненный просмотром некоторой части МООС. Это полностью интегрированный курс, где аудиторские занятия синхронизируются с онлайн-курсом, в том числе и возможностью использовать дискуссионный форум МООС. Аудиторские занятия поддерживаются контентом МООС (видеолекции, тесты), в то же время в учебной аудитории студенты могут разобрать трудные темы с преподавателем или пройти разделы, не отраженные в МООС.

Реализация смешанного обучения позволяет сочетать сильные стороны МООС и традиционного обучения и имеет ряд существенных преимуществ:

- Повышение образовательных результатов студентов. Существующие исследования подтверждают, что студенты, обучающиеся в смешанном формате, имеют более высокие образовательные результаты [11].
- Использование онлайн-форумов МООС для обмена мнениями с большим количеством студентов и формирования образовательной сети.
- Возможность обсуждения «офлайн» наиболее сложных вопросов. Студенты отмечают, что обсуждение в аудитории является наиболее ценным для генерирования новых идей и исследовательских проектов.
- Получение мгновенной обратной связи от преподавателя курса. В отличие от МООС, где обратная связь предусмотрена, но не всегда реализуема оперативно и в нужном объёме.
- Снижение для преподавателя временных затрат, связанных с подготовкой лекционного материала. В смешанном формате лекционный компонент курса отдаётся на «аутсорсинг».
- Для университетов применение смешанной модели означает сокращение затрат без потери качества обучения.

Тем не менее, у университетов могут возникнуть определённые трудности при реализации практики смешанного обучения, а именно: необходимость редизайна существующих МООС для эффективного использования в смешанном формате, неизбежность включения МООС в университетскую систему управления обучением (LMS) для оценки образовательных результатов студентов, возможное падение доходов преподавателей, вызванное сокращением учебной нагрузки и т. д.

Несмотря на обозначенные сложности при проектировании и реализации гибридных курсов, смешанное обучение является инновационной формой образовательного процесса, позволяющей использовать современные информационные технологии для повышения качества образовательной программы без существенного увеличения затрат.

Заключение

Появление массовых открытых онлайн-курсов оказало существенное влияние на образовательную среду в информационном обществе. Повсеместно наблюдается увеличение пользователей МООС, всё большее число университетов размещают на образовательных платформах свои онлайн курсы. Несмотря на безусловные плюсы МООС, многие эксперты сходятся во мнении, что сами по себе такие курсы не могут заменить традиционные академические курсы. Смешанное или гибридное обучение является инновационной формой проектирования образовательного процесса, сочетающего в себе сильные стороны традиционного и онлайн обучения. Для реализации смешанного обучения авторам МООС, возможно, будет необходимо проектировать свои курсы более модульными и гибкими, в том числе и по отдельным темам. Также экспертами образования выдвигается идея о создании курсов, которые проходят одновременно в нескольких университетах (либо в нескольких филиалах одного университета), образуя интернет-сообщество преподавателей и студентов для работы над совместными проектами и исследованиями. Безусловно, данные предложения носят дискуссионный характер и подлежат оценке и изучению в экспертной среде, однако их роль в будущем развитии МООС может быть весьма перспективна.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий.** [Электронный ресурс]. URL: <http://edumarket.digital>. (дата обращения: 25.07.2018).
2. LIYANAGUNAWARDENA T. R. **Massive Open Online Courses** // Humanities. 2015. Т. 4. № 1. С. 35–41.
3. КАРАКОЗОВ С. Д., МАНЯХИНА В. Г. **Массовые открытые онлайн-курсы в зарубежном и российском образовании** // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2014. Т. 12. С. 24–29.
4. JORDAN K. **Initial trends in enrolment and completion of massive open online courses** // The International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2014. Т. 15. № 1. С. 133–160.
5. HEW K. F., CHEUNG W. S. **Students' and instructors' use of massive open online courses (MOOCs): Motivations and challenges** // Educational Research Review. 2014. Т. 12. С. 45–58.
6. BRUFF D., FISHER D., MCEWEN K., SMITH B. **Wrapping a MOOC: Student perceptions of an experiment in blended learning** // Journal of Online Learning and Teaching. 2013. Т. 9, № 2. С. 1–13.
7. NETO S. C. **Combining Distance and Traditional Learning: A Study of the Use of Virtual Learning Environment Objects and Massive Online Open Courses in Statistics Class** // International Journal of Information and Education Technology. Т. 7. № 1. 2017. С. 1–5.
8. HOLOTESCU C., GROSSECK G., CRETU V., NAAJI A. **Integrating MOOCs in Blended Courses** // 10th International Scientific Conference eLearning and Software for Education. Bucharest, Romania. 2014.
9. YOUSEF A. M. F., CHATTI M. A., SCHROEDER U., WOSNITZA M. **A usability evaluation of a blended MOOC environment: An experimental case study** // The International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2015. 16(2). С. 69–93.
10. ABRAM A. **Theories and applications of massive online open courses (MOOCs): The case for hybrid design** // International Review of Research in Open and Distance Learning. 2015. Т. 16. № 6. С. 39–61.
11. ISRAEL M. J. **Effectiveness of integrating MOOCs in traditional classrooms for undergraduate students** // International Review of Research in Open and Distance Learning. 2015. Т. 16. № 5. С. 102–118.
12. KONSTAN J. A., WALKER J. D., BROOKS D. C., BROWN K., EKSTRAND M. D. **Teaching recommender systems at large scale: evaluation and lessons learned from a hybrid MOOC** // ACM Transactions on Computer-Human Interaction (TOCHI). 2015. Т. 22. № 2.
13. GHADIRI K., QAYOUMI M. H., JUNN E., HSU P., SUJITPARAPITAYA S. **The Transformative Potential of Blended Learning Using MIT edX's 6.002x Online MOOC Content Combined with Student Team-Based Learning in Class.** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.edx.org/sites/default/files/upload/ed-tech-paper.pdf>. (дата обращения: 25.07.2018).
14. NORTVIG A. M., GYNTHNER K., GUNDERSEN P. B. **Blending MOOCs in Face-to-Face Teaching and Studies** // In European Conference on e-Learning (p. 519). Academic Conferences International Limited. 2016.

«Цифровизация» конституционного права: личные и политические права в информационном обществе

Статья рекомендована Т.В. Ершовой 14.04.2019.

**АФАНАСЬЕВ Сергей
Дмитриевич**

Аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; ведущий специалист Национального центра цифровой экономики МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация

Развитие современного общества характеризуется значительным влиянием информационных технологий на все аспекты жизни человека, включая его основные конституционные права и свободы. В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения прав и свобод в цифровом мире. Выделены ключевые тенденции влияния цифрового мира на группу личных и политических прав человека.

Ключевые слова:

конституционное право; цифровые права; личные права человека; политические права человека; реализация конституционных прав человека.

**ШАТИЛИНА Анастасия
Сергеевна**

Аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; главный специалист-эксперт отдела правового просвещения Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

Обеспечение прав и свобод в цифровом мире — одна из приоритетных задач российского государства?

Современный период развития цивилизации характеризуется переходом к «цифровому» обществу. Критерий масштабной информатизации общества оказывает определяющее воздействие на законодательство и право в целом. На международно-правовом уровне закреплено, что информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI в. Их революционное воздействие касается образа жизни, образования и работы людей, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. Информационные технологии быстро становятся жизненно важным стимулом развития мировой экономики [1].

В Стратегии развития информационного общества в России [2] (далее — Стратегия) среди принципов построения такого общества в первую очередь называется «обеспечение прав граждан на доступ к информации». Так ли это на самом деле? Есть большое стремление дать утвердительный ответ, но не всё нормативно-правовое регулирование подталкивает к этому.

В целом об обеспечении прав и свобод граждан говорит и утверждённая Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹ [3] (далее — Программа). Следует, однако, обратить внимание на следующий критический момент: среди

¹ В настоящее время Программа утратила силу с целью исключения дублирования стратегических документов, однако разрабатываемая Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» названа преемственной: URL: <http://government.ru/docs/35781/>.

вызовов и препятствий полноценного развития цифровой экономики Российской Федерации называются такие приоритеты, как обеспечение прав человека в цифровом мире, в том числе при идентификации (соотнесении человека с его цифровым образом), сохранность цифровых данных пользователя, обеспечение доверия граждан к цифровой среде. Складывается ощущение, что права и свободы человека (а, следовательно, и сам человек — единственный носитель конституционных прав) как будто «виновны» в том, что в России не получается полноценно развить цифровую экономику.

Тем не менее становится всё более очевидно, что права и свободы человека и гражданина, как и другие институты конституционного права, ощущают на себе существенное влияние информационного общества и современных технологий. Вполне закономерно ставить вопрос о том, являются ли конституционные институты «препятствием» или всё же главной целью и задачей развития цифрового общества?

Несмотря на приведённые положения Программы, следует выбрать всё же второй вариант. Подтверждают это другие принципы Стратегии. Представляется, что в действительности ни российские граждане, ни их права и свободы не должны рассматриваться как «препятствие» развитию цифровой экономики. Остаётся надеяться, что в разрабатываемой Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» [4] права и свободы человека перестанут быть препятствием развитию цифровой экономики и её проблемной областью, превратившись в одну из главных целей цифровизации экономики.

Считается, что именно цифровые технологии способны вернуть подлинный смысл демократическим процедурам и исправить «провалы демократии» [5].

Новые способы реализации «традиционных» прав и свобод

Ни в доктрине, ни в юридической практике пока нет достаточно чёткого понимания вектора, закономерностей и механизма этой цифровой трансформации. В зарубежной науке цифровизация в контексте права рассматривается как естественный феномен, возникающий на пути развития правовой системы в современную эпоху [6]. Безусловно, технологический прогресс не мог не оказать влияния на каждую из групп прав и свобод человека.

Свобода мысли и слова, свобода выражения мнений и убеждений, свобода массовой информации. Исторически данные свободы — одни из первых, реализовать которые стало возможно при помощи коммуникационных ресурсов интернета. Важно подчеркнуть, что ограничения, установленные Конституцией РФ и ратифицированными Россией международно-правовыми актами (например, запрет на распространение конфиденциальной информации и пропаганды или агитации, возбуждающей ненависть и вражду), полностью распространяются и на интернет-сферу. Более того, Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ) была сформирована прецедентная практика применительно к *свободе выражения мнений в интернете*. Ключевое значение в этой практике имеет Постановление по делу «*Редакция газеты “Правое дело” и Штекель против Украины*» [7]. В нем ЕСПЧ впервые признал, что статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод возлагает на государства обязательство по установлению нормативно-правовой базы для эффективной защиты свободы выражения мнения журналистов в интернете.

Интернет-сервисы содействуют и в реализации *права на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных*. Прежде всего это отражается в Пользовательском соглашении и Политике конфиденциальности интернет-сервисов, действующих в соответствии с Федеральным законом «О персональных данных» [8]. *Пользовательское соглашение* представляет собой договор между пользователем и интернет-сервисом относительно порядка и условий использования последнего. Хранение и обработка персональной информации пользователя осуществляются в соответствии с условиями *Политики конфиденциальности*.

Ещё одним направлением «цифровизации» частной жизни следует назвать разрабатываемые технические возможности распознавания конкретного человека в толпе — причём для совершенно различных целей [9]. Такие технологии уже позволяют более-менее точно идентифицировать человека среди других людей по изображению с камеры — практически в автоматическом режиме. Однако существенным вопросом становится цель и способы дальнейшего использования подобной информации.

Посредством сети Интернет и её ресурсов становится возможной реализация *права на участие в управлении делами государства*. Реализации этого права способствует и публично-властная деятельность в сети Интернет:

- 1 предоставление государственных и муниципальных услуг («электронное правительство»);
- 2 закупка товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд;
- 3 раскрытие общественно-значимой информации, в том числе в целях борьбы с коррупцией;
- 4 обеспечение доступа к информации о деятельности судов («электронное правосудие»).

Кроме того, существует возможность в онлайн-режиме или записи наблюдать за заседаниями различных органов государственной власти, а также участвовать в различных онлайн-опросах, проводимых на официальных сайтах этих органов. Появился шанс оказать содействие органам власти в выявлении и предупреждении нарушений правил дорожного движения, зафиксировав самостоятельно и отправив через мобильное приложение сообщение о таких нарушениях [10].

Право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства. Благодаря развитию информационных технологий у граждан появилась возможность уведомить орган регистрационного учёта о сроке и месте своего пребывания в электронной форме посредством информационно-телекоммуникационной сети общего доступа, в том числе сети Интернет [11]. Кроме того, значительное развитие получили сервисы электронного приобретения билетов на общественный транспорт, а также оформление туристических документов с помощью интернета. «Новым» словом в туристическом бизнесе становится так называемая «электронная путёвка» [12].

Свобода совести и вероисповедания. Удивительно, но даже такое, казалось бы, «далёкое» от интернета право испытывает на себе влияние информационных технологий. В первую очередь это, конечно, относится к способам получения религиозной литературы и иной духовной информации. Интернет содержит огромный массив

традиционных молитвословов, переведённых в электронный вид. Причём их можно не только прочитать самостоятельно, но и прослушать и даже посмотреть записи церковных служб [13]. Более того, на некоторых православных информационных порталах содержится рекомендация о том, что в случае невозможности выполнить ежедневное молитвенное правило самостоятельно, вполне допустимо прослушать его аудиозапись в машине или в наушниках в общественном транспорте. Верующие получили возможность не просто прочитать молитвы и посмотреть записи церковных служб, но найти и прочитать полные последования практически любой службы из православного календаря — причём в удобной форме, без необходимости сверяться со множеством церковных уставов и предписаний [14]. Кроме того, современные православные приходы и интернет-сервисы предлагают подать записки о здравии или об упокоении прямо за компьютером, онлайн, а также написать своё обращение какому-либо святому, к мощам которого потом возложат такое письмо [15].

Избирательное право. Активное избирательное право наиболее полно реализуется посредством дополнительных возможностей получения избирателями информации [16, с. 77]. В частности, законодательно [17] предусматривается публикация решения о назначении выборов и референдумов, их результатов, а также размещение предвыборных программ и результатов опросов общественного мнения в сети Интернет. На примере президентских выборов и единого дня голосования 2018 г. видно активное использование интернет-технологий для информирования граждан о ходе избирательной кампании, особенно — различных мотивационных новостей, изображений и видео-роликов (что особенно актуально для современной молодёжи), призывающих прийти на избирательные участки в день голосования и «сделать свой выбор» (что примечательно — среди подобных способов редко встречается агитация за конкретного кандидата).

Также развитие интернет-технологий позволило реализовать избирательную технологию «мобильный избиратель», благодаря которой появляется возможность проголосовать на любом избирательном участке, подав соответствующее заявление, причём при проведении региональных выборов — даже на избирательных участках на территории другого субъекта Российской Федерации (что было реализовано на выборах мэра Москвы 2018 г.). Подать такое заявление можно вообще «не выходя из дома» — через портал государственных услуг в интернете.

В ряде стран Европейского союза уже внедрён институт интернет-выборов, являющийся разновидностью электронного голосования. Одним из самых передовых государств в этом направлении считается Эстония, впервые применившая систему интернет-голосования на местных выборах в 2005 г. Согласно статистике эстонской государственной избирательной комиссии, на данный момент этот способ голосования был применён 9 раз, в том числе на общегосударственных парламентских выборах [18].

Новые права и свободы в цифровую эпоху

Следует сказать несколько слов о появлении новых прав и свобод человека в цифровую эпоху.

Первоначально *право на доступ в интернет* рассматривалось в контексте свободы поиска и распространения информации, а также свободы выражения

мнения. Так, в докладе Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франк Ла Руэ (Frank La Rue) от 10 августа 2011 года [19] отмечается, что «хотя наличие возможности подключения к интернету еще не признано в качестве одного из прав человека, существует обязанность государств содействовать осуществлению права на свободу выражения мнений через интернет». Он также подчёркивает, что доступ к интернету необходим и для осуществления других прав и свобод. Между тем в ряде европейских государств право на доступ в сеть Интернет рассматривается или в *контексте права на информацию и связь, которое гарантируется Конституцией* (например, Эстония, Греция, Португалия, Россия), или *в рамках законов и положений о телекоммуникациях* (например, Финляндия, Франция, Германия) [20, с. 38–45]. Важно отметить, что право на доступ к интернету предполагает не только возможность беспрепятственного подключения, но и запрет необоснованного блокирования контента.

С увеличением периода хранения личных данных в информационном пространстве возникла необходимость в *появлении права на ограничение распространения информации о личности, ставшей достоянием гласности в прошлом* («права на забвение»). Под «правом на забвение» понимается право субъекта информации возражать против дальнейшей обработки его персональных данных через поисковые системы и требовать от оператора удалять ссылки на те данные, которые, по его мнению, могут нанести ему вред. Ключевым в понимании концепции этого права стало решение Европейского суда (European Court of Justice) по делу испанского гражданина *Марио Костеха Гонсалеса против Google* от 13 мая 2014 года (Google Spain SL, Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González, C-131/12, 13 May 2014) [21].

Между тем с 1 января 2016 года «правом на забвение» в сети Интернет наделены и граждане России [22]. Действие соответствующего закона распространяется на информацию, распространяемую с нарушением законодательства Российской Федерации, являющуюся недостоверной, неактуальной и утратившей значение для гражданина в силу последующих событий или действий. К такой информации не относятся данные о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, по которым не истекли сроки привлечения к уголовной ответственности, а также сведения о совершении преступления, по которому не снята или не погашена судимость.

Право на «цифровую смерть». Теперь в этот ряд стоит добавить и право на цифровую смерть. Оно предусмотрено французским Законом о цифровой республике (государстве) от 7 октября 2016 года [23, с. 8]. Как при завещании, лицо будет иметь право на соблюдение его воли по поводу дальнейшей судьбы персональной информации, опубликованной онлайн после его кончины поставщиками онлайн-услуг или доверенными лицами. Это означает, что права субъекта в определённой мере «продлятся» после его смерти посредством интернета.

Следует согласиться с выводом Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина о формировании нового вида (группы) прав — «цифровых прав человека»² [24]. Цифровые права человека — это конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств. Задача государства — на основе Конституции и с учётом указанных международных

² Не следует путать с новой категорией цифровых прав, появившейся в Гражданском кодексе РФ: Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // pravo.gov.ru, № опубликования 0001201903180027, дата опубликования 18.03.2019.

документов — признавать и защищать цифровые права граждан от всевозможных нарушений, обеспечивая при этом конституционно-правовую безопасность личности, общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Окинавская хартия Глобального информационного общества от 21.07.2000** // URL: <http://kremlin.ru/supplement/3170>.
2. **Указ Президента РФ «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»** // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
3. **Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г.** № 1632-р (утратило силу).
4. СМ. **паспорт Национальной программы:** <http://static.government.ru/media/files/urKHmogTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf>.
5. ШАХРАЙ С.М. **«Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе** // URL: www.ispraras.ru/pics/File/News/Doklad_20042018.
6. ХАБРИЕВА Т. Я. **Право перед вызовами цифровой реальности** // URL: http://izak.ru/img_content/pdf/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%20%D0%B2%D1%8B%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D1%80%D0%B5%D0%B5%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8.pdf.
7. ECtHR, **case of Editorial Board of Pravoye Delo and Shtekel v. Ukraine.** Judgment 5 May.
8. **Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»** // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 82.
9. НАПРИМЕР СМ.: <https://apparat.cc/news/facial-recognition-london/>.
10. ПРИЛОЖЕНИЕ «ПОМОЩНИК МОСКВЫ» // URL: <https://itunes.apple.com/ru/app/%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%89%D0%BD%D0%B8%D0%BA-%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D1%8B/id1023672049?mt=8>.
11. **Постановление Правительства РФ от 17.07.1995 г. № 713 (ред. от 25.05.2017) «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учёта по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за приём и передачу в органы регистрационного учёта документов для регистрации и снятия с регистрационного учёта граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации»** // СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2939.
12. URL: <https://www.russiatourism.ru/operators/elektronnaya-putevka/>.
13. НАПРИМЕР: <https://azbyka.ru/audio/molityv-utrennie-i-vechernie.html>.
14. НАПРИМЕР: https://azbyka.ru/bogoslužhenie/triod_tsvetnaya/zvet001.shtml.
15. НАПРИМЕР: <http://svyatmatrona.ru/napisat-pismo-svyatoj-matrone-moskovskoj/>.
16. СЕРЕДА В.Н., СЕРЕДА М. Ю. **Защита прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет.** Воронеж: Научная книга, 2013.
17. **Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»** // СЗ РФ. 2002. № 24. ст. 2253; 2018. № 53 (ч. 1). Ст. 8476.
18. URL: <https://www.valimised.ee/en/internet-voting/internet-voting-estonia>.
19. **Report of the Special Rapporteur to the General Assembly on the Right to Freedom of Opinion and Expression Exercised through the Internet.** A/66/290. 10 August 2011 // URL: http://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/66/290.
20. ШАТИЛИНА А. С. **Права человека в Интернете: проблема признания права на доступ к Интернету** // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1.
21. URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=9ea7d2dc30d502adf60dde284f8fa0cfd2fe0dfe2245.e34KaxiLc3qMb40Rch0SaxuSc3z0?text=&docid=152065&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=53369>.
22. **Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»** // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4390.
23. ТАЛАПИНА Э. В. **Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы** // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
24. ЗОРЬКИН В. Д. **Право в цифровом мире.** // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyje-prava-grazhdan.html>.

Информационно-коммуникационные барьеры в условиях медиаконвергенции и возможности их преодоления

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 20.01.2019.

МОЛЧАНОВА Ольга

Ильинична

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Аннотация

В статье рассматриваются информационно-коммуникационные барьеры, возникающие в коллективах современных медиа, и способы их преодоления, обосновывается понятие «информационно-коммуникационный барьер» и рассматриваются их виды, приводятся сводная таблица наиболее распространенных барьеров, а также результаты опроса сотрудников средств массовой информации Санкт-Петербурга на предмет выявления информационно-коммуникационных барьеров в редакционных коллективах и характера их дисфункционального воздействия.

Ключевые слова:

информационные и коммуникационные барьеры, преодоление барьеров, медиаконвергенция.

В современных условиях при оптимальном протекании информационных процессов наблюдается развитие и прогресс, но добиться равномерности циркуляции информационных потоков непросто, так как цифровые технологии осваиваются не всеми индивидами равномерно, у некоторых отсутствуют практические навыки, что в связи со стремительными преобразованиями медиасферы не всегда удается оперативно и целенаправленно скорректировать. Нередко между сотрудниками организации возникают информационно-коммуникационные барьеры, которые руководителям следует знать, быть готовым к ним и к их преодолению.

Информационно-коммуникационные барьеры — это препятствия объективного и субъективного характера, возникающие при обмене информацией между коммуникаторами.

Сегодня вопросы типологизации барьеров и их разграничения недостаточно представлены в научной литературе, однако это важная проблема в контексте адаптации и инфосоциализации современного социума стоит довольно остро.

Понятие информационного барьера ввел академик В. М. Глушков, который определил его как «противоречие между информационными запросами общества (общества) и имеющимися техническими возможностями их удовлетворения» [1, с. 9–11]. Он выделял три барьера, трактуя каждый из них следующим образом.

Первый информационный барьер связан с ограниченностью человеческого мозга, не способного хранить весь накопленный объем необходимых знаний. Барьер был преодолен после изобретения письменности.

Второй информационный барьер связан с ограниченностью распространения уже имеющихся знаний. По мнению академика, барьер был преодолен после изобретения книгопечатания Иоганном Гуттенбергом, затем позже после изобретения телеграфа, телефона, фотографии, кино, телевидения и т.п.

Третий информационный барьер связан с ограниченностью человеческого мозга для восприятия и переработки огромных объемов информации, накопленных человечеством и необходимых для принятия управленческих решений.

Для преодоления третьего информационного барьера и централизованного управления экономикой СССР В. М. Глушков предлагал использовать вычислительные машины.

Такой подход не оправдал себя и сегодня не актуален, так как в связи с развитием цифровых технологий и медиаконвергенции возникают новые барьеры, с более сложным генезисом, требующие специфического подхода в их устранении.

Среди современных авторов много сторонников выделения коммуникационных (коммуникативных) барьеров в отдельную категорию.

Е. Н. Скаженик дает следующее определение: «Коммуникационные барьеры — это факторы, снижающие эффективность коммуникации или полностью блокирующие ее» [4].

На наш взгляд, сегодня деление барьеров на информационные и коммуникационные (коммуникативные) не целесообразно, если мы говорим о циркуляции информации между коммуникаторами в контексте обеспечения управленческих решений.

К информационным же барьерам относятся технические помехи, возникающие в работе IT-специалистов.

Барьеры информационно-коммуникационного характера принято делить на объективные, возникающие и существующие независимо от человека, и субъективные, связанные с личностными особенностями собеседников, их коммуникативными способностями.

К объективным барьерам будут относиться те, которые возникают в результате недостаточно отлаженной работы государственных и межгосударственных, ведомственных структур в выработке единых стандартов информационной политики.

Субъективные барьеры зависят от конкретных людей, возглавляющих конкретную организацию, медиапредприятие, от личностных качеств каждого представителя данного коллектива.

Таким образом, на наш взгляд, целесообразно делить барьеры на внешние (объективные) и внутренние (субъективные).

В результате анализа среди наиболее значимых внешних (объективных) барьеров мы выделили государственно-политические, режимные, экономические, ведомственно-бюрократические.

Внутренние (субъективные) помехи, которые образуются в редакционной среде в связи с конвергенцией, влияющей на информационно-коммуникационный обмен, мы разделили на организационные, культурные, социальные, личностные, психологические.

В следующей таблице отмечены те информационно-коммуникационные барьеры, которые наиболее часто встречаются в современных редакционных коллективах и так или иначе влияют на принятие управленческих решений.

Таб. 1 Наиболее значимые информационно-коммуникационные барьеры

Название барьеров	Причины возникновения
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ	
ВНЕШНИЕ БАРЬЕРЫ (объективные)	

Название барьеров	Причины возникновения
Государственно-политические	Ограничивают доступ к информации государственно-политического характера. Часть информации, содержащей государственную тайну или имеющей конфиденциальный характер, оказывается недоступной для широкого потребителя.
Режимные	Различные политические режимы существующих государств с разными законами, по-своему регулируемыми информационные процессы, тормозят формирование единого мирового информационного пространства.
Экономические	Возникают в результате нехватки или отсутствия финансовых средств для производства, обработки, передачи, потребления и хранения информации.
Ведомственно-бюрократические	Обусловлены нецелесообразно разветвлённой структурой системы управления (как государственной, так и внутрифирменной), что становится преградой для прохождения информационных потоков.
ВНУТРЕННИЕ БАРЬЕРЫ (субъективные)	
ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ	
Пространственно-временные	Возникают из-за пространственной и временной удалённости источника и приёмника друг от друга. Причина возникновения барьера — неграмотная расстановка предметов мебели, оборудования, что мешает своевременному поступлению информации и ответной реакции на нее. Данный фактор может привести к невнимательному слушанию, поверхностному пониманию информации и свертыванию обратной связи.
Информационной перегрузки	Возникают в связи с появлением информационных технологий и конвергентных явлений, в результате чего у каждого сотрудника появились дополнительные обязанности и увеличилась сферы ответственности.
Технические	Возникают в результате неисправности или отсутствия как самих технических средств, программного обеспечения, так и единых стандартов в их применении, что ведет к несовместимости оборудования (при его наличии) и невозможности оптимизации информационных процессов.
Структурные	Данные коммуникационные помехи обусловлены структурными характеристиками, типом взаимосвязей между различными структурными подразделениями, а также распределением прав, обязанностей и ответственности в системе управления. Возникают в результате несоответствия организационных систем друг другу в плане коммуникационной политики.
КУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ	
Национальные и религиозные	Возникают в результате культурного различия и проявления нелояльности к традициям и обычаям представителей других национальностей и вероисповеданий.
Этические	Возникают в результате различий ценностных ориентаций и поведенческих норм и правил.

Название барьеров	Причины возникновения
Эстетические	Возникают из-за разности во вкусах, взглядах на культуру, представлений собеседников об эстетике, о прекрасном.
СОЦИАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ	
Профессиональные	Возникают из-за разности знаний о предмете коммуникации; различного уровня профессиональной компетентности, необходимых производственных навыков.
Образовательные	Возникают из-за разности образовательного уровня партнеров, социального опыта, и, как следствие, информационного несоответствия позиций субъектов коммуникации.
Статусные	Возникают из-за излишней значимости иерархического фактора в организации, когда подчиненному дискомфортно обращаться к руководителю с тем или иным вопросом для решения проблемы.
Поколенческие	Возникают в связи с разными представлениями у людей разных поколений о возможностях решении проблем. Люди старшего поколения противятся нововведениям, младшие могут раздражаться в связи с этим и недооценивать опыт старших.
ЛИЧНОСТНЫЕ БАРЬЕРЫ	
Индивидуальные	Возникают по причине индивидуальных различий в характере, темпераменте, проявлений эмоций.
Идеологические	Могут формироваться из-за различия в мировоззрениях, в ценностных и социальных установках коммуникаторов.
Барьер отрицательной установки или предвзятости	Возникает как следствие негативной установки по отношению к собеседнику. Связано со сформировавшимся ранее негативным мнением или реакцией на внешний облик или манеру поведения человека.
Барьер плохого самочувствия	Возникает из-за недомоганий различного характера, что ведет к ошибкам в работе и недовольству сотрудников.
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ	
Барьеры авторитета	Возникают в результате превалирования мнения вышестоящей (авторитетной) фигуры, тогда как более значимые сведения, высказанные менее авторитетной персоной, могут не браться в расчет.
Барьеры стереотипизации	Формируются из-за использования стереотипов в оценке информации.
Барьеры искажения информации	Могут возникать из-за использования в коммуникации действий манипулятивного характера, создаются осознанно, с целью получения каких-либо предпочтений.
Языковые барьеры	Могут быть логическими, фонетическими и семантическими. Возникают часто у людей с различным типом мышления.

Информационно-коммуникационные барьеры игнорировать нельзя, так как они являются показателем неблагополучия в коллективе, что может привести к сбою его деятельности, а значит, следует искать пути их устранения для

выстраивания адекватной коммуникационной политики с целью эффективной работы медиапредприятия.

От коммуникационной политики во многом зависит успешность деятельности любой организации. «Основными условиями достижения цели коммуникативного действия в рамках информационно-аналитического обеспечения управления являются: наличие информации, необходимый ее объем, время обработки и представления информации. Организация соответствующих коммуникативных действий обеспечивает своевременные и качественные коммуникации, заключающиеся в обмене информацией между субъектом-актором и субъектом-контрагентом» [6].

В редакциях современных СМИ от беспрепятственной циркуляции информационно-коммуникационных потоков зависит перспектива дальнейшего развития данного медиапредприятия, его конкурентоспособность и выполнение обязательств перед своей аудиторией.

В 2017–2018 гг. с целью выявления влияния информационно-коммуникационных барьеров на управленческий процесс в редакциях современных СМИ г. Санкт-Петербурга было проведено социологическое исследование, предполагающее массовый опрос сотрудников средств массовой информации на предмет выявления информационно-коммуникационных барьеров в редакционных коллективах и характера их дисфункционального воздействия. С этой целью в период с сентября по декабрь 2017 года автором был проведен социологический анкетный опрос на тему: «Информационно-коммуникационные барьеры в редакциях СМИ Санкт-Петербурга».

В проведенном опросе приняли участие 506 сотрудников средств массовой информации г. Санкт-Петербурга («Питер-online», «Дорожная держава», «5 канал» и др.). Основными категориями респондентов выступили: а) главные редакторы — 10,5%, б) творческие сотрудники редакций (корреспонденты, фотокорреспонденты, операторы, звукооператоры, веб-дизайнеры, специалисты по рекламе, верстальщики и др.) — 89,5%. Распределение опрошенных по возрастным группам явилось в следующих пропорциях: сотрудников в возрасте до 40 лет — 32,5%, от 40 до 49 лет — 35,7%, количество респондентов в возрасте от 50 до 59 лет составило 20,3% и от 60 лет и старше — 11,5%.

О наличии информационно-коммуникационных нарушений респонденты свидетельствовали исходя из собственной практики, посредством ответов на вопросы анкеты. Информационно-коммуникационные нарушения определенного характера указывают на наличие информационно-коммуникационных барьеров.

Основной вопрос анкеты имел определенную цель — выявление проблем коммуникационного характера, влияющих на действия управленческого характера: «Какие информационно-коммуникационные сбои присутствуют в Вашей редакционной деятельности?» (рис. 1).

На рисунке 1 видно, что степень выраженности барьеров в результате анализа информации распределилась по убыванию таким образом: организационные барьеры (39,2), социальные (35,7), психологические (19,8), культурные и личные барьеры (5,3).

Проявление *организационных* барьеров (рис. 2) отразилось в следующих показателях: самый большой процент респондентов (48,8) ответили, что сталкиваются с информационными перегрузками, этот фактор влияет на управленческие решения, объективность и обоснованность их принятия; 33,4% респондентов считают,

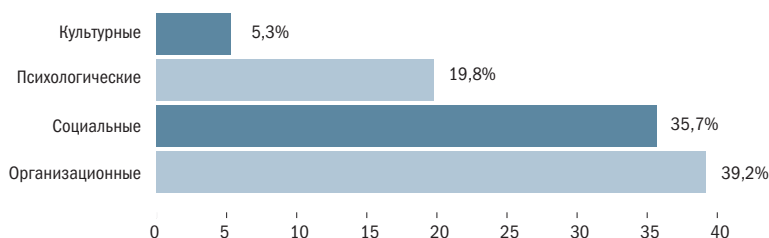

Рис. 1. Информационно-коммуникационные барьеры в коллективах современных редакций Санкт-Петербурга, %

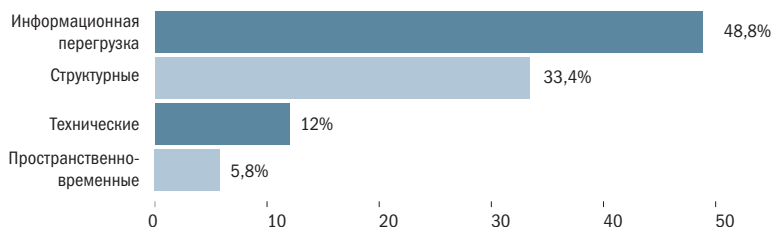

Рис. 2. Распределение организационных барьеров в процентном соотношении.

что на их деятельность отрицательно влияют структурные барьеры, что проявляется в сбоях взаимосвязей между различными структурными подразделениями, и, как следствие, в искажении сведений при движении нисходящей и восходящей информации, а также распределении прав, обязанностей и ответственности в системе управления; 5,8% указывают на пространственно-временные помехи в движении информационных потоков, так как неграмотная расстановка предметов мебели и оборудования мешает своевременному поступлению информации и ответной реакции на нее.

Проявление *социальных* барьеров (рис. 3) отразилось в следующих показателях: 53% респондентов отметили профессиональные барьеры в своих коллективах, что означает наличие сотрудников с различным уровнем профессиональной компетентности, необходимых производственных навыков, что мешает синхронизации действий в достижении общих целей; 33,8% — образовательные барьеры, что свидетельствует о необходимости повышения квалификации сотрудников, чьи знания и умения не соответствуют требованиям; 10,2% — поколенческие барьеры и 3% — статусные.

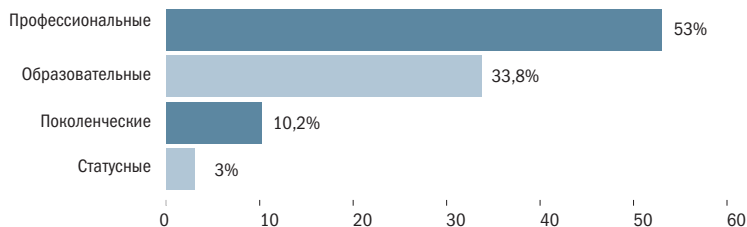

Рис. 3. Распределение социальных барьеров в процентном соотношении.

Проявление *психологических* барьеров (рис. 4) отразилось в следующих показателях: 38,2% — барьеры авторитета; 29% — барьеры стереотипизации;

18,8% — барьеры искажения информации; 14% — языковые барьеры. Респонденты свидетельствуют об игнорировании мнения участников коммуникационного процесса, не обладающих властью, использовании стереотипов в оценке информации, использовании действий манипулятивного характера с целью добиться определенной цели, а также присутствия в коллективах людей с различным типом мышления. Все это требует корреляции в действиях управленческого характера.

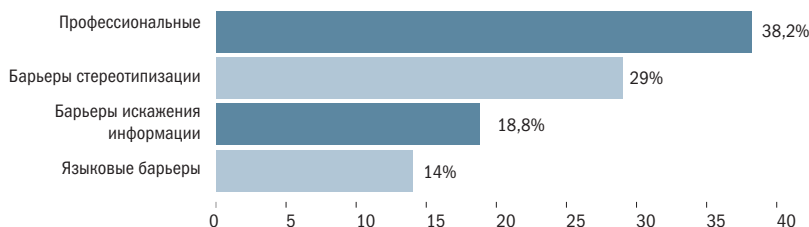

Рис. 4. Распределение психологических барьеров в процентном соотношении.

Изучение информационно-коммуникационных барьеров и их влияния на социальное управление коллективом, принятие управленческих решений позволит устранить многие недостатки, мешающие адаптации и инфосоциализации коллектива в условиях конвергенции.

Существуют различные способы преодоления информационно-коммуникационных барьеров.

К ним следует отнести:

1. Регулирование циркулирующей информационных потоков. Управленцы на всех уровнях организационной структуры должны знать существующие проблемы коммуникационного характера в коллективе, вовремя и регулярно выявлять данные недостатки. Регулирование заключается в понимании значимости информации и своевременности ее поступления конкретным сотрудникам без искажения. Объем информации должен соответствовать потребностям. Информационные потребности сотрудников в значительной мере зависят от целей компании, путей ее развития и тех решений, которые принимает руководство [2].

Информационные перегрузки, от которых страдает современный коллектив, возможно нивелировать только с помощью грамотного регулирования и внимательного отношения к этой проблеме руководителя медиапредприятия. Психологические барьеры зачастую возникают из-за того, что до каждого члена коллектива не доводится своевременно качественная информация в полном объеме, выраженная ясно, понятно, лаконично.

2. Управленческие действия. Проведение регулярных собраний с сотрудниками редакции для обсуждения рабочих вопросов, затрагивающих грядущие перемены, обсуждение дальних и ближних целей, распределение обязанностей позволят улучшить взаимодействие между коллегами. На собраниях молодые и новые сотрудники приобретают возможность проявить инициативу, наладить контакт с руководителем. Собрание может проводиться в виде дискуссии на заданную тему относительно перспектив предприятия. Такие мероприятия формируют навык активного слушания, участники задают вопросы, начинают вовлекаться

в процесс обсуждения, проявлять интерес к высказываниям собеседника. Данные управленческие действия помогут устранить некоторые организационные, социальные барьеры, большинство барьеров психологического характера.

3. Формирование системы обратной связи. Данный способ преодоления коммуникационных барьеров не требует финансовых затрат, прост и эффективен. С помощью него можно выявлять информационно-коммуникационные барьеры и оперативно принимать решения по их устранению. Важно найти такую форму обратной связи, которая будет максимально достоверной и доступной.

Один из вариантов — опрос сотрудников. Такой способ обратной связи направлен на устранение социальных и психологических барьеров.

Сравнение информации на входе и выходе коммуникационного канала позволяет определить корректность коммуникационного процесса. «Обратная связь — это реакция реципиента на полученные сведения, которая отсылается обратно коммуниканту. Обратная связь позволит не только узнать результат коммуникации, но и скорректировать следующее сообщение нужным образом для достижения большего эффекта» [5, с. 124–127]. При налаживании обратной связи повышается результативность деловой коммуникации компании. Надежность и продуктивность коммуникационного процесса объясняется его двусторонним обменом информацией.

Однако следует иметь в виду, что обратная связь может быть двух видов: положительной или отрицательной. При правильно положительной обратной связи цель сообщения будет достигнута, правильно понята и реализована.

Наладить положительную обратную связь не просто. Горизонтальные и вертикальные информационные потоки нередко искажаются, так как от руководства к подчиненным информация может приукрашиваться и умалчиваться, подаваться под определенным углом зрения, при обратном направлении позитивная информация гиперболизируется и приукрашивается с целью расположения начальника [3].

4. Выход в народ. Руководитель должен периодически посещать подчиненные ему отделы, общаться с людьми напрямую. Проверая состояние коммуникативных каналов в коллективе, он должен самостоятельно убедиться в их актуальности. Когда управленец своими глазами видит положение дел и общается с людьми, он получает более полное представление о своих подчиненных и организации в целом, обладая возможностью напрямую доносить до сотрудников важные идеи, мнения, ценности.

Есть и другие способы преодоления информационно-коммуникационных барьеров, такие как персональная рассылка, сбор предложений, доски объявлений, презентации, не все они работают в должной мере. Управленцы должны иметь в виду это и понимать, что необходимо использовать возможности новых технологий, электронной коммуникации, корпоративного портала. Для этого следует наладить контроль за работой информационно-коммуникационных систем, что поможет в преодолении технического барьера, устранил помехи на пути прохождения информации в процессе коммуникации как от коммуниканта к реципиенту, так и в обратном направлении.

Главное в коммуникационном процессе — атмосфера доверия и открытости, именно это побуждает сотрудников к честному общению друг с другом, без манипулятивного воздействия, умалчивания и искажения информации. Сотрудники не должны бояться говорить друг другу и руководителю как хорошие, так и плохие новости. Для этого следует развивать межличностные отношения работников, чему способствует неформальное общение в коллективе. Причем, руководители должны разработать формальные каналы коммуникации, стимулируя одновременно использование как формальных, так и неформальных каналов.

Руководитель, заинтересованный в том, чтобы лучше понимать своих сотрудников, будет интересоваться реакциями подчиненных на свои поступки, учитывать их мнение, не пренебрегая сведениями о том, какие ощущения, чувства и мысли вызывает у них та или иная ситуация. Стремление повысить взаимное доверие всегда вызывает ответную реакцию.

Грамотное управление коммуникациями предполагает преодоление не только собственного предвзятого представления, но и предрассудки оппонентов, так как люди всегда ищут подтверждения собственным взглядам и стремятся отвергнуть все то, что не вписывается в систему их представлений. Изменить установки, устранить предрассудки и предубеждения непросто — это под силу сильному лидеру, который не боится вступать в дискуссии, на личном примере показывать, как осуществлять эффективную коммуникацию.

Каналы коммуникации должны быть релевантны сообщению, руководителю необходимо понимать, какие сведения лучше сообщить лично, какие можно по телефону, а какие посредством электронной почты. При этом надо контролировать, чтобы процесс коммуникации не нарушался даже во время ремонтных работ техники, находить альтернативные способы передачи информации.

Важно также понимать, что структура организации должна соответствовать потребностям в коммуникациях. Иногда, при решении сложных задач, где требуются нестандартные решения, следует децентрализовать структуру для вовлечения сотрудников в управленческий процесс.

Отсутствие или недостаток координации приводит к неэффективности коммуникаций и ведет к неуправляемости, что наносит невосполнимый ущерб производству, бессмысленной растрате времени, сил, нервов сотрудников.

Регулярное обучение персонала, поощрение работников-новаторов, оказание помощи в самосовершенствовании каждому члену коллектива помогут в преодолении сопротивления отдельных сотрудников внедрению инноваций и овладению новыми технологиями.

Все описанные выше способы преодоления информационно-коммуникационных барьеров помогут устранить существующие ограничения взаимодействия между различными подразделениями и сотрудниками, наладить эффективную комфортную коммуникацию и повысить производительности предприятия.

Выбор способа преодоления зависит от многих факторов, но в первую очередь следует выяснить, какие виды информационно-коммуникационных барьеров присутствуют в коллективе. Следует учитывать потребности каждого члена коллектива, соизмерять информационные желания и возможности сотрудников и руководства.

Регулярный анализ состояния коммуникаций на медиапредприятии, выявление основных причин возникновения информационно-коммуникационных

барьеров, их специфики и возможного нанесения ими вреда позволят своевременно принимать решения по их устранению. Современное медиапредприятие в условиях медиаконвергенции может бесперебойно и успешно функционировать только в результате постоянного контроля за продуктивностью коммуникации, что будет способствовать успешной инфосоциализации и адаптации сотрудников для прогрессивной деятельности в новых современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГЛУШКОВ В. М. **Основы безбумажной информатики**. М.: «Наука», 1987. С. 9–11.
2. ИСЛАМОВА Н. В. **Коммуникационный менеджмент: учеб. пособие**. Нижневартовск, 2009. 205 с.
3. МЕСКОН М. Х. **Основы менеджмента**. М.: Вильямс, 2016. 665 с.
4. СКАЖЕНИК Е. Н. **Деловое общение: учеб. пособие**. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006. 457 с.
5. СЕМЕЧЕНКО И. В. **Коммуникационный процесс в управленческой деятельности** // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2013. № 3. С. 124–127.
6. ХИЖНЯКОВ Д. П. **Информационно-коммуникационные барьеры в региональной практике государственного управления** // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=4826> (дата обращения 10.05.2018).

Влияние поколения Z на функционирование института медиа: прогностическая модель

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 12.03.2019.

ЕФАНОВ Александр Александрович

Кандидат социологических наук, доцент департамента медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

СТЕПАНЧЕНКО Владимир Анатольевич

Кандидат политических наук, руководитель медиацентра, школа «ШИК 16»

Аннотация

В статье предлагается научное и прикладное обоснование современных трендов медиапотребления. Опираясь методом вторичного анализа данных, авторы выстраивают прогностическую модель функционирования института медиа под влиянием медиапредпочтений и медиаориентиров поколения Z – молодой аудитории (15–20 лет). Эксплицируются новые типы медийного производства: производители контента и распространители контента. Делается акцент на усиление персонализации контента, адресно удовлетворяющей интересы и запросы узких сегментов аудитории. Определяется, что «новый дивный мир» медиа потребует совсем иных профессиональных качеств от журналистов, которые должны будут иметь не только прикладные (основанные на творчестве), но и технические навыки, чтобы оставаться конкурентоспособными в современной технологической парадигме.

Ключевые слова:

медиа, мультимедиа, трансмедиа, журналистика, телевидение, интернет, социальные сети, поколение Z.

Развитие института медиа до появления социальных сетей проходило относительно системно и поступательно в соответствии с научно-техническим прогрессом: газеты — радио — телевидение. Усиление роли интернета в медиaprостранстве в середине 2000-х годов вызвало некий испуг у «традиционных» СМИ [10], поскольку они потеряли часть рекламного рынка, что обусловило снижение бюджетов на производство качественного контента. Как следствие, начала сокращаться аудитория. В разных странах этот процесс протекает с неоднородной скоростью. В свою очередь, в России, начиная с 2014 года, можно заметить некую закономерность: количество тех, кто отказывается от телевизионных продуктов, значительно увеличивается, при этом доля пользователей социальных сетей резко возрастает [9].

В 2018 году эксперты Исследовательского центра компании «Deloitte» принимают попытку обоснования феномена медиапотребления в России [6]. Согласно проведенному исследованию, растет индекс использования интернета (+59%) и чтения электронных книг (+29%). В то же время указывается на значительное снижение объемов чтения печатных книг (–12%), печатных СМИ (–26%), а также просмотра телевидения (–7%). Аналитики называют это «субъективной оценкой респондентов», которая важна для понимания существующего тренда, поскольку цифры могут не совпадать с объективными измерительными данными (пиллметры, данные о тиражах и проч.), но дают представления о векторе процесса и позволяют сделать выводы, что заданные тренды будут носить долгосрочный характер. Делаются выводы, что носители информации вряд ли смогут отвоевать позиции, в лучшем случае станет возможным замедлить обвальное падение, предложив новые технологии. Применительно к телевидению это может стать Smart TV или «стриминговые»

сервисы. Но в любом случае это уже не будет телевидение в привычном понимании, которое известно большинству потребителей до 2010-х годов.

Впрочем, нельзя говорить, что россияне вообще отказываются от потребления СМИ. Речь идет о перераспределении аудитории, в результате чего «битва» за потребителя только обостряется. Для многих медиа аудитория пенсионного возраста непривлекательна с коммерческой точки зрения, ее сложно монетизировать. Но даже здесь наблюдается показательный кейс: по данным Mediascope, в 2019 году новогодние эфиры на главных телеканалах страны смотрели меньше зрителей, чем годом ранее [1] (стоит отметить, что, начиная с 2017 года, данная тенденция только усугубляется, свидетельствуя о несоответствии спроса аудитории и предложения медиаменеджеров [4]). Это может говорить о более глобальной тенденции, свидетельствующей о том, что практики телесмотра снижаются как у молодежи, так и у более лояльной взрослой аудитории, которая традиционно считается оплотом федеральных телеканалов. Потеря монополии СМИ на распространение информации сказывается не только на программной политике, но и на бюджетах компаний. Получается замкнутый круг, когда у производителей телевизионного контента оказывается все меньше денег на создание качественных и востребованных у аудитории продуктов.

В этих условиях «традиционные» СМИ пытаются «выжить» при помощи так называемой кроссплатформенности, распространяя свой контент на новых мульти- и трансмедийных площадках, тем самым пытаясь удержать и завоевать новую аудиторию. При этом ставка делается на молодой сегмент — так называемое поколение Z (15–20 лет), — который вскоре займет место нынешней социально активной и наиболее платежеспособной аудитории (30–50-летнего возраста). Если посмотреть на медиапотребление поколения Z, то здесь следует указать на ключевые особенности.

Согласно результатам исследования Фонда развития интернета, около 25% подростков проводят в Сети более восьми часов в сутки [5]. Фактически они в прямом смысле слова «живут» в интернете, потребляя информацию, поскольку по определению не относятся к работающим гражданам. С появлением социальных сетей поновому зазвучало выражение Г. М. Маклюэна: «The Medium is the Massage» [11] (где неологизм «massage» не отождествляется с прямым посланием («message»), а, скорее, означает, с одной стороны, влияние медиа, близкое к эффекту массажа (далеко не всегда релаксирующего), с другой, — высшую степень массификации («mass age» дословно переводится как «век масс»). Те, кому были нужны «традиционные» СМИ — политики, представители публичных профессий (актеры, певцы, режиссеры и т.д.), — перестали в них нуждаться. Публика некоторых аккаунтов «звезд» в самой быстрорастущей сети в России «Instagram» уже значительно превышает аудиторию отдельных «традиционных» СМИ.

Согласно исследованию Левада-центра, в последние 5–6 лет фиксируется «большой прогресс в росте роли интернета» [8]. В целом у молодых людей телевидение уже ушло на второй или даже третий план. Но при этом нельзя не сказать о заимствовании устойчивых медиапрактик. По мнению экспертов, своего рода аналогом Первого канала в интернете можно считать агрегатор «Яндекс.Новости» [2], популярный не только у молодежи, но и у аудитории среднего возраста.

В свою очередь, сами СМИ не намерены «сдавать» аудиторию. Можно выделить два аспекта борьбы. Во-первых, телеканалы «приходят» к своей аудитории

даже вопреки коммерческим интересам. Например, видео выпусков шоу «Вечерний Ургант» размещается на YouTube, хотя другие программы Первого канала можно найти исключительно на сайте, потому что канал зарабатывает деньги там, не желая делиться со сторонними сервисами. Другой пример — телеканал ТНТ (входящий в «Газпром-медиа») презентует свой новый сериал «Звоните ДиКаприо» также на YouTube, хотя у холдинга есть собственный видеосервис Rutube. Во-вторых, «традиционные» СМИ начали рекрутировать популярных блогеров для «раскрутки» своих проектов, рассчитывая, что аудитория, которая отказалась от потребления телевидения, вернется к своим прежним привычкам: как, например, случилось с Настей Ивлеевой (шоу «Орел и Решка» на телеканале «Пятница»). Здесь же можно привести пример мультимедийной интеграции, когда шоу выходят одновременно в социальных сетях и на телевидении (проекты телеканала «Москва 24» — «ОК на связи», «А поговорить?»).

Основной вопрос, который стоит перед производителями контента: «Что выбирает поколение Z?» Хотя оно относительно малочисленно в общей структуре населения и медиапотребителей, именно данная группа задает тренды. До определенного момента эту категорию потребителей игнорировали, пока производители контента не заметили многомиллионные просмотры у так называемых «YouTube-журналистов» («видеоинфлюэнсеров»). Можно предположить, что описанный тренд трансформации медиапотребления затронет все медиа (поскольку он носит глобальный характер), будет протекать кризисно, в конце концов полностью поменяет рынок и аудиторию. При этом он совпадет с зарождением новой экономической реальности, основой которой станет искусственный интеллект. Умная колонка от «Яндекса» или «Amazon» в конечном счете может стать важнее пульта от телевизора, а голосовые помощники сами будут решать, что именно и когда нужно потреблять в интернете.

Как отмечает политолог А. Морозов, поколение «миллениалов» фактически не воспринимает медиа как социальный институт, для них все СМИ являются неким информационным фоном, они готовы получать контент вне зависимости от медианосителя — в мессенджерах, соцсетях, стриминговых каналах и т.п.: «Сообщение существует вне всякого источника, оно просто — есть. Поскольку больше нет институционально авторитетных источников, для миллениалов есть “люди, вызывающие доверие”, и “люди, к которым стоит прислушаться”» [7]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в настоящее время наблюдается процесс модернизации — переопределения института медиа. Если говорить о «традиционных» СМИ как его составном элементе, то фактически они представляют собой законодательную регуляцию журналистской деятельности при постепенной утрате основных функций социального института (таких как контроль, поддержание устойчивости и проч.).

На этом фоне можно определить новые типы медийного производства: производители контента и распространители контента. В «традиционных» СМИ подобные модусы были соединены в рамках одной редакции, а в нынешней реальности — они все больше отдаляются друг от друга, создавая напряжение как в социальном, так и правовом поле. К производителям контента можно отнести редакции медиа, блогеров, так называемый «продакшн», а также рекламные агентства. Распространители контента включают в себя социальные сети, мессенджеры, агрегаторы («Яндекс.Дзен», flirboard.ru и др). Причем такое разделение прежних функций медиа потребует полного переосмысления как существующего законодательства

(например, разработка инициатив, регламентирующих деятельность новостных агрегаторов)¹, так и перedel рынка труда — в журналистике становятся востребованными специалисты, которые не только умеют создавать медиатексты, но и разбираются в трафике, а также понимают, какие темы могут собрать большое количество просмотров, лайков и т.д. С точки зрения рынка, интерес инвесторов будет перемещаться в сторону технологического развития. Эра потребления медиа со смартфона не будет вечной, но технологически будущее ближайших 5 лет условно определено: произойдет дальнейшее расширение аудитории, получающей информацию со смартфонов. Революция медиапотребления возможна будет только с изменением способа доставки медиaproдукта для потребителя. Конечно, прогнозы в академическом сообществе считаются делом неблагодарным. Тем не менее, мало, кто 10 лет назад мог предположить (и, возможно, жалеет об этом), что сегодня посредством смартфонов обществу удастся в буквальном смысле «управлять жизнью» — получать широкий спектр услуг: от финансовых операций, коммунального обслуживания, медицинской помощи до получения образования, организации досуга и проч. Что касается поколения Z в данном контексте, можно предположить, что развитие медиапотребления среди молодой аудитории будет диктоваться технологическим удобством восприятия.

В заключение следует отметить еще один тренд — персонализацию контента, — который наверняка значительно усилится в предстоящие годы. Для крупных медиакорпораций это будет означать сокращение их целевой аудитории, но за счет финансовых и индустриальных возможностей они могут запускать сотни новых медиапроектов. Контент будет становиться все более нишевым — в эпоху глобальной доступности знаний у медиа пропадает функция просвещения и остается только развлекательная функция. «Новый дивный мир» медиа потребует совсем иных профессиональных качеств от журналистов [3], которые должны будут иметь не только прикладные (основанные на творчестве), но и технические навыки, чтобы оставаться конкурентоспособными в современной технологической парадигме.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аудитория двух крупнейших телеканалов снизилась в новогоднюю ночь** // РБК. 2019. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/01/2019/5c2f48fb9a7947421d1a2171 (дата обращения: 15.02.2019).
2. ВОЛКОВ Д. **Кто они — люди поколения Z?** // Фонд Е. Гайдара. 2018. URL: <http://economyfaculty.gaidarfund.ru/articles/3157/tab1> (дата обращения: 15.02.2019).
3. ЕФАНОВ А. А. **«И физики, и лирики»: детерминанты современного медиаобразования** // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31). С. 40–44.
4. ЕФАНОВ А. А. **Новогодний «камень преткновения»: к проблеме программирования эфира федеральных телеканалов** // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 мая 2018 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. С. 90–92.
5. **Интернет в России в 2017 году: состояние, тенденции и перспективы**. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2018. 96 с.
6. **Медиапотребление в России-2018** // Deloitte. 2018. 50 с. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/media-consumption-in-russia-2018-ru.pdf?fbclid=IwAR1zjFRvGuGotBHDyhg9pXEGq7PIKhhKaUMc120boeBSMHf_wNm5dljZ64 (дата обращения: 15.02.2019).
7. МОРОЗОВА А. **Аполитичные миллениалы** // Newsader. 2018. URL: <http://newsader.info/mention/apolitichnye-milleniaaly/?fbclid=IwARyabzqov2PVFdAT59407Abu14Lz-Fuisowxlj3JoYrVB4xEQDMHygQUhY> (дата обращения: 15.02.2019).
8. **Пользование Интернетом** // Левада-центр. 2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/13/polzovanie-internetom-2/> (дата обращения: 15.02.2019).
9. **Телевидение в России в 2017 году: состояние, тенденции и перспективы**. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2018. 90 с.
10. **Тенденции развития Интернета в России: аналитический доклад** / Г. И. Абдрахманова, Н. В. Бондаренко, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др.; Координационный центр национального домена сети Интернет, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 184 с.
11. MCLUHAN M., FIORE Q. **The Medium is the Massage: An Inventory of Effects**. N.Y.: Random House, 1967. 157 p.

¹ При всей своей полемичности принятый в 2019 году так называемый закон о «фейк ньюс» позволит частично регулировать отношения в сфере производства информационных продуктов.

Информатизация медицины потребует 2 млрд рублей

В ближайшие три года Министерство здравоохранения РФ рассчитывает потратить более 2 млрд руб. на мероприятия, связанные с информатизацией здравоохранения. В 2019 г. ведомство выделит на эти цели 727,8 млн руб., в 2020 г. — 683,7 млн руб., а в 2021 г. — 681,6 млн руб. Минздрав собирается развивать и интегрировать между собой информационные системы медицинских организаций, централизованные системы субъектов РФ и федеральные информационные системы для создания единого цифрового контура здравоохранения. Кроме того, ведомство в этом году будет контролировать подключение к интернету фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов.

Согласно размещенному на сайте Минздрава плану, самым капиталоемким мероприятием будет работа Федерального центра обработки данных (основная, тестовая и резервная площадки Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения, ЕГИСЗ). В 2019 г. на эти цели предусмотрено 445,5 млн руб. и в 2020–2021 гг. — по 449,8 млн руб. На эксплуатацию самой ЕГИСЗ в этом году потратят 250 млн руб. и в 2020–2021 гг. — по 204 млн руб. Еще одним блоком идут мероприятия по работе региональных систем информационного обеспечения, ПАК, средств и сетей связи. На них в 2019 г. выделяют 32,3 млн руб., в 2020 г. — 29,7 млн руб., в 2021 г. — 27,6 млн руб.

В числе приоритетов на текущий год Минздрав называет развитие и интеграцию между собой информационных систем медицинских организаций, централизованных систем субъектов РФ и федеральных информационных систем для создания единого цифрового контура здравоохранения. Это мероприятие содержится в национальном проекте "Здравоохранение". Для создания единого цифрового контура здравоохранения в 2018 г. подписаны нормативные правовые акты, в том числе по вопросам создания, эксплуатации и развития информационных систем в сфере здравоохранения,

закрепления возможности оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, использования гражданами электронных услуг и сервисов в сфере здравоохранения. Государство действительно системно и непрерывно развивает единый цифровой контур здравоохранения, говорит генеральный директор медицинской компании "Доктор рядом" Денис Швецов. Несмотря на сложность этой задачи, за 2018 г. удалось достичь высоких результатов в этой области, продолжает он. В первую очередь — в систематизации элементов системы и разработке отраслевых стандартов применения информационных технологий. "Шаги, направленные на развитие инфраструктуры, такие как внедрение МИС (медицинских информационных систем) и подключение клиник к сети Интернет, жизненно необходимы для дальнейшего развития цифровых медицинских услуг", — отмечает Денис Швецов. Кроме того, ведомство в этом году будет контролировать подключение к интернету фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов. Напомним, что согласно паспорту направления "Информационная инфраструктура" нацпрограммы "Цифровая экономика РФ", в 2019 г. получить типовые цифровые услуги по сервисной модели должны 5000 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов.

Хакеры, цифровые активисты и блогеры: к вопросу привлечения к противодействию экстремистской и террористической деятельности в интернете

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 14.03.2019.

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Валерьевна

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Аннотация

Развитие технологий, используемых экстремистскими и террористическими группами, идет на опережение по сравнению с возможностями государственных спецслужб, занятых в противодействии информационным угрозам. В информационном противостоянии растет значение новых социальных групп. В противодействии информационным угрозам определенную роль должны играть представители социальных групп хакеров, блогеров и цифровых активистов. Автор предлагает более пристально относиться к изучению особенностей деятельности хакеров, цифровых активистов и блогеров с тем, чтобы обратиться к разработке способов взаимодействия с ними с целью противодействия информационным угрозам национальной безопасности.

Ключевые слова:

интернет, противодействие информационным угрозам, хакеры, цифровые активисты, блогеры, изучение особенностей новых социальных групп, национальная безопасность.

Интернет является усложняющейся реальностью, продуцирующей все новые угрозы экстремистской и террористической направленности. Это динамичная среда, контролировать которую уже нелегко на данном этапе. Принимаемые государствами меры в определенной мере снижают террористическую и экстремистскую активность в Сети, однако появляются все новые методы и пути обхода этого контроля.

Развитие технологий, используемых экстремистскими и террористическими группами, идет на опережение по сравнению с возможностями служб, занятых в противодействии. Это необходимо признать с тем, чтобы искать новые способы противодействия угрозам экстремизма и терроризма. Речь идет о противодействии призывам к насилию в обществе, распространению идеологии насилия, оправданию национальной, этнической и религиозной нетерпимости и вражды, склонению к сотрудничеству с террористическими и экстремистскими организациями. Важно становиться более информированным о различных способах использования интернета и более приспособленным для контроля и для противодействия действиям преступников и их пособников. Считаем, что в помощь решению подобных задач является изучение особенностей новых социальных групп интернета и взаимодействие с ними.

Ключевыми силами государства в информационном противодействии экстремизму и терроризму в сети Интернет являются МВД России и ФСБ России, а также Минкомсвязь России и подведомственный министерству Роскомнадзор. Но сложно не согласиться с тем, что также «важную роль в системе ИПТ (информационного противодействия терроризму — прим. автора) в сети Интернет должны играть негосударственные субъекты — общественные объединения, СМИ, владельцы

и администраторы интернет-сайтов, блогеры и иные пользователи интернета» [1, с. 85–103]. Мы разделяем мнение И. Ю. Сундиева, А. А. Смирнова, которые отмечают, что роль государства состоит не в дирижировании деятельностью негосударственных акторов (это невозможно в силу их численности), а в активном сотрудничестве с ними в рассматриваемой сфере деятельности, применении методов стимулирования общественно полезной гражданской активности [1, с. 100].

Помимо этого, «в связи с заведомой ограниченностью эффективности мер фильтрации информации в интернете наиболее важное значение в системе мер ИПТ имеют методы пропаганды и контрпропаганды в киберпространстве. Они включают в себя распространение официальных информационных сообщений в сети Интернет, проведение брифингов или пресс-конференций для интернет-СМИ, создание специализированных интернет-сайтов антитеррористической направленности, подготовку и распространение контента контрпропагандистского характера, участие в дискуссиях на форумах и в социальных сетях» [1, с. 103].

В обществе сформировалась такая социальная группа как хакеры. Хакеры по своим возможностям в Сети вероятно сопоставимы с нетократией [2]. Нетократия или цифровая элита: в различных источниках эта социальная группа называется по-разному. Это те, кто владеют современными цифровыми мессенджерами, социальными сетями, задают основные тренды сетевых информационных потоков. И хакеры, и представители нетократии находятся «за гранью понимания» с точки зрения традиционной системы обеспечения национальной безопасности. И те, и другие являются представителями «антисистемы», они вне государства или над государством, поскольку сама Сеть, по сути, явление глобальное, не приемлющее традиционных границ.

Если Марк Цукерберг, Майкл Делл, Сергей Брин, Павел Дуров и другие (сегодня их называют цифровой элитой), владеющие сетями киберпространства, являются личностями в большей мере известными, они имеют и политические и экономические конфигурации, которые осваиваются и спецслужбами государств, и транснациональным капиталом, то хакеров условно можно отнести к прекариату [3] — тем, «кому нечего терять ...». В условиях роста атомизации общества такие люди более других расположены к маргинальному состоянию. Среди них много фрилансеров, временных работников, представителей креативной индустрии.

Спецслужбы мира развивают практику найма известных хакеров. Пожалуй, здесь можно провести аналогию с тем, как в свое время государства в борьбе за морское могущество негласно нанимали вольных торговых людей — пиратов. Пираты XVII–XVIII вв. часто контролировали основные морские пути — единственные эффективные коммуникации тех времен.

Можно сказать, что сегодня на смену морским пиратам пришли пираты цифровые. Одним из способов захвата лидирующих позиций в борьбе с террористической угрозой в интернете становится развитие искусного взаимодействия с хакерами, привлечение их на свою сторону, что является довольно сложной задачей. Для того чтобы подойти к ее решению, необходимо обратиться к исследованию особенностей этой социальной группы, понять основные мотивы ее деятельности, изучить образ жизни таких людей.

Часто хакеров различают на виды, из которых двумя основными являются White hat («белая шляпа») и Black hat («чёрная шляпа»). Черными шляпами называют киберпреступников, тогда как белыми шляпами — прочих специалистов

по информационной безопасности (в частности специалистов, работающих в крупных IT-компаниях) или исследователей IT-систем, не нарушающих закон. Есть еще Grey hat («серая шляпа»). О серых шляпах говорят, когда сталкиваются со случаями мелких нарушений закона или отсутствием нарушений законодательства, но нарушением внутренних правил какого-либо интернет-сервиса [4].

Как социальную группу хакеров сложно локализовать и выделить. Но уже появляются исследования в ключе специфики их субкультуры, значения их деятельности для развития технологий в контексте позитивного или деструктивного влияния на процессы в обществе (М. Кастельс, Е. С. Ларина, П. Химанен, О. Б. Скородумова, М. С. Букин, М. С. Вершинин, Е. В. Осипов, В. П. Терин и др.). Конечно же, необходимо уделять отдельное внимание таким исследованиям.

Некоторые авторы называют хакеров Робин Гудами Информационной Эпохи [5]. Известный исследователь информационного общества М. Кастельс считает хакерами Дж. Ассанджа, участников WikiLeaks и целую плеяду последователей этой организации. Он отмечает, что они работают на идею и их целью является представлять гражданам доступ к важнейшей информации о поведении и стратегиях облеченных властью людей и организаций, которые принимают важнейшие в мире решения [6, с. 24]. В своей работе «Власть коммуникации» (2013) теоретик отмечает, что «в условиях беспощадных атак на WikiLeaks и заточения Ассанджа в стенах посольства Эквадора в Лондоне созданная WikiLeaks информационная модель была воспринята рядом новых организаций эпохи свободной цифровой коммуникации, таких как Friends of WikiLeaks — социальная сеть, кто поддерживает WikiLeaks, запущенная в декабре 2011 г., Brussels Leaks — сеть активистов и журналистов, провозгласивших своей задачей “вывести теневые взаимодействия внутри Европейского Союза в публичную сферу”, Trade Leaks, созданный Русланом Коганом в Австралии с целью “делать в сфере бизнеса то, что WikiLeaks делает в политике”. Существует также RuLeaks, который стремится воспроизвести модель WikiLeaks в России. ... На практике буквально каждый месяц возникают альтернативные новостные организации» [6, с. 27].

Насколько можно разделять такую точку зрения о хакерах как о Робин Гудах — остается неоднозначным вопросом. Мы бы рассматривали подобные организации и хакеров, поддерживающих их деятельность, как отдельную группу, поскольку особенности их деятельности являются несколько иными по сравнению с общепринятыми представлениями о хакерах. Главное отличие идейных хакеров или цифровых активистов — в их поддержке или участии в различных сетевых организациях, которые объединяют участников под социально актуальными целями.

Известный эксперт в области конкурентной разведки Е. С. Ларина вслед за зарубежными исследователями выделяет группу цифровых активистов [7]. В нее входят наиболее политически активные пользователи. Цифровые активисты могут включать в себя и политических хакеров, и политически активных блогеров. Еще в 1998 году ряд известных исследователей, связанных с американским разведывательным сообществом, сделали прогноз о скорейшем превращении интернет-активистов в мощную трансграничную и локальную политическую силу. К концу нулевых годов численность интернет-активистов по миру стала измеряться уже сотнями тысяч человек. Эти сотни тысяч людей являются уже не разрозненными, атомизированными индивидуумами и враждующими между собой группами. Они

становятся все более организованными — связанными между собой сетевыми коммуникациями, образующими разные по длительности и интенсивности сети.

Цифровые активисты — убежденные сторонники групповых и коллективных действий. Они строят свою деятельность, опираясь на малые группы, небольшие общины и массовые движения, состоящие из локальных подразделений.

С другой стороны, именно цифровые активисты, актуализирующие проблемы и вопросы жизни общества, в состоянии успешно осуществлять пропаганду и контрпропаганду в киберпространстве, отстаивая национальные интересы своей страны. Считаем, что возможности социальных сетей, других интернет-платформ организаций цифровых активистов составили бы существенный вклад в развитие практик противодействия призывам к политическому насилию, оправданию насилия по национальному, религиозному признаку.

Е. С. Ларина отмечает, что «в Соединенных Штатах, Канаде, Скандинавии, странах Балтии, Бенилюксе действуют онлайн и оффлайн курсы и школы для цифровых активистов, регулярно проводятся открытые конференции и закрытые встречи по теме цифрового активизма. В России же по состоянию на лето 2016 г. не проведено ни одной конференции, не издано ни одной книги, не существует ни одного научно-практического центра, специализирующегося на цифровой активности» [7, с. 77].

Еще одной группой «цифровых пиратов» свободного, усложняющегося интернет-пространства, которые многое могли бы сделать для профилактики и противодействия экстремизму и терроризму в киберпространстве, можно назвать блогеров. Они также имеют безграничные возможности влияния на сетевые коммуникации, но не в техническом, а социально-смысловом аспекте. В отличие от хакеров они находятся в легальном, публичном пространстве. В отличие от цифровых активистов охват ими тем и аудиторий более широк и многообразен. Их деятельность сравнима с деятельностью средств массовой информации. Они формируют, аккумулируют общественное мнение в социальных сетях.

Блогеры не так хорошо владеют архитектурой интернет-пространства, но искусно занимают внимание и предпочтения тысяч и миллионов пользователей. Ресурсы блогера определяются объемом, конфигурацией и плотностью сети его подписчиков. Под их влиянием находятся большие социальные сети. В интернете публикуются рейтинги популярности блогеров. К примеру, в 2017 году первые три позиции занимают блогеры с интернет-проектами, на которые подписано более 7,5 млн человек, 5 млн и 4 млн. — соответственно [8].

Особенности блогосферы, в частности, блогерские посты (отдельные сообщения, опубликованные для публичного чтения) изучаются различными социальными науками: политологией — К. О. Квятковский, К. А. Крайнова, Д. С. Мартянов, Е. С. Крестинина, Ю. Г. Чернышов и др., журналистикой — Е. Л. Вартанова, В. В. Коломина, Е. В. Лазуткина, А. А. Никитенко и др., культурологией — Г. М. Агеева, Н. В. Кузнецова, Е. А. Осипова и др. [9]. Исследователи фиксируют особенности строения блогосферы, ее актуальные тенденции, отражающие текущее состояние современного общества. Изучение наработок социальных наук в сфере исследования блогосферы является значительной задачей в развитии аналитики спецслужб государства.

Выводы

Количество пользователей и коммуникаций в киберпространстве становится все больше и государство уже не в состоянии контролировать процессы, происходящие в Сети. В таких условиях государственные службы обращаются к методам стимулирования общественно полезной гражданской активности в интернете, к работе с агентами политических коммуникаций. Считаем, что среди негосударственных субъектов в противодействии информационным угрозам экстремизма и терроризма определенную роль должны играть представители социальных групп хакеров, блогеров и цифровых активистов.

Если до сих пор исследователи и практики-специалисты в обеспечении национальной безопасности в большей мере рассматривали только вопросы противодействия деятельности представителей этих групп, то автор призывает более пристально отнестись к изучению особенностей жизни и деятельности хакеров, цифровых активистов и блогеров и начать разрабатывать методы и способы взаимодействия с ними с целью противодействия информационным угрозам национальной безопасности.

Изучение особенностей этих социальных групп, дальнейшее выстраивание взаимодействия с ними должно привести к более эффективной борьбе с терроризмом и экстремизмом в интернете, в частности, профилактики этих угроз. Государство не должно «использовать» представителей этих групп. Оно должно рассматривать их как граждан, как субъектов в противодействии угрозам, обращаться к их сетям и платформам как к организациям-представителям гражданского общества.

Важно заметить, что российское государство значительно уступает сегодня в работе с политически активными хакерами, блогерами и цифровыми активистами США и другим западным странам. Между тем, в мире уже созданы специальные интерфейсные структуры, которые перенацеливают усилия цифровых активистов с внутривнутриполитических проблем западных стран на борьбу с государственными органами власти России, Китая и Ирана. Аналитики отмечают, что в США сложился военно-разведывательно-высокотехнологический комплекс. В состав комплекса входят компании, типа Google, Facebook, IBM, значительное число благотворительных фондов нового поколения, созданных на деньги высокотехнологичных компаний и их учредителей, инвестиционные фонды, университеты, организационные структуры разведывательных сообществ западных стран [7, 10, 11].

По поводу цифрового активизма Е. С. Ларина отмечает, что «на наших глазах из независимой, набирающей могущество, молодой силы чем дальше, тем больше цифровой активизм превращается в неявно управляемый и используемый инструмент» [7, с. 78]. Новые социальные группы интернета, их возможности с успехом осваиваются спецслужбами и политическими силами западного мира. В последнее время их силы используются не столько в борьбе с экстремизмом и терроризмом, сколько во возвращении экстремистских настроений в других государствах. В подобном контексте сложно не согласиться с тем, что если государством и общественными организациями не будет вестись работа по эффективно-му взаимодействию с технически и профессионально продвинутой молодежью,

не будут предоставляться дополнительные возможности и ресурсы, то все это будет сделано другими.

Задачи эффективного взаимодействия, предоставления возможностей для продвинутой молодежи отсылают нас, в том числе, к такой области политики государства как работа с молодежью. Речь идет о дальнейшем развитии патриотического воспитания в образовательных организациях, о поддержке волонтерских движений, о доступности занятий спортом, музыкой, другими сферами досуга. Отдельной задачей в этом списке стоит дальнейшее изучение социальных трансформаций, охватывающих информационное пространство и ведущих к появлению новых моделей цифрового поведения молодых людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. СУНДИЕВ И. Ю., СМИРНОВ А. А. **Информационное противодействие терроризму в сети Интернет** // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2015. — № 1 [12] — С. 85–103.
2. АЛЕКСАНДР БАРД И ЯН ЗОДЕРКВИСТ. **Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма** URL: <http://www.rulit.me/books/netokratiya-read-124507-1.html>.
3. СТЭНДИНГ Г. **Прекариат: новый опасный класс.** / М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с.
4. СМ.: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
5. ХИМАНЕН П., КАСТЕЛЬС М. **Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель.** / М.: Логос, 2002. — 224 с.
6. КАСТЕЛЬС М. **Власть коммуникации: учеб. пособие** / Пер. с англ. Н. М. Тылевич, под науч. ред. А. И. Черных. — М. — 2017. 591 с.
7. ЛАРИНА Е. С. **Феномен цифрового активизма: риски, угрозы, возможности** // Информационные войны. 2016. — № 3 (39) — С. 71–78.
8. **Topkin.ru** . URL: topkin.ru/best/lyudi/samyie-populyarnyie-bloggeryi-rossii/
9. КОЧЕТКОВА М. О. **Жанровая динамика дискурса блогосферы: социолингвистический аспект:** дис. ... д-ра филос. наук / М. О. Кочеткова. — Томск., 2016. — 252 с.
10. АКОПОВ Г. Л. **Хактивизм в процессе информационно-политических конфликтов** // Вопросы безопасности. — 2014. — № 1. — С. 24–32.
11. ГРИНЯЕВ, С. Н. **Взгляды военных экспертов США на ведение информационного противоборства** / С. Н. Гриняев // Зарубежное военное обозрение. — 2001. — № 8. — URL: <http://psyfactor.org/infowar1.htm>.

Abstracts

**FEDOROVA Anna
Aleksandrovna**

*Postgraduate Student, Faculty
of Sociology, St. Petersburg State
University; anthropologist*

The Phenomenon of Virtual Ethnic Identity: Areas of Theoretical Conceptualization

The article provides a review on modern sociological approaches to the definition of "virtual ethnic identity". Classification of those is based on the strategies of virtual ethnicity reliance while studying the information society. The author progressively describes the correlation between real and virtual ethnicity, cyber-nationalism and the issue of defining the ethnicity by members of transnational communities.

KEY WORDS

virtual ethnic identity,
neo-ethnicity,
transnationalism.

**CHIZHOV Dmitry
Vyacheslavovich**

*Candidate of Political Sciences;
Institute for Advanced Studies,
Moscow Pedagogical State
University*

Vectors of Electoral E-Democracy Development

The article analyzes key directions for the development of electoral e-democracies, such as the development of mutual digital transparency of political actors and voters, individualization of digital marketing, growing importance of the digital image of the politician, especially it's informal component and prospects for the development of electronic voting systems.

KEY WORDS

Internet communications in
politics, political technologies,
electoral democracy,
blockchain, elections,
digitalization, mobile
applications, absenteeism,
political actors, electoral
process, digital image, mutual
digital transparency.

LIBIN Alexander Viktorovich

*PhD in Psychology; Professor,
Georgetown University
(Washington, USA); Leading
Analyst, Educational and
Scientific Innovation Center,
Institute of Economics,
Management and Law,
Russian State University for the
Humanities (Moscow)*

Societal Risks of Global Digitalization

A conceptual educative program is focused on the global digitization consequences for most important areas of human life including education, professional activities, family, mental health and social communities. Systematic efforts are needed to recognize, minimize and, when possible, prevent societal risks accompanying the development and implementation of emerging technological innovations.

KEY WORDS

societal risks of global
digitalization, global digital
transformation of the society,
predictive analytics, artificial
intelligence, analytical model
of societal risks, human rights,
ethical dilemmas, vulnerable
social groups.

LIBINA Elena Vladimirovna

*PhD in Psychology (USA),
Editor-in-Chief, online journal
"Coping with Life Stress"
(Lausanne, Switzerland);
Leading Analyst, Educational
and Scientific Innovation
Center, Institute of Economics,
Management and Law,
Russian State University for the
Humanities (Moscow)*

A proposed approach is mainly focused on life activities that are grounded more heavily on societal, rather than economical, industrial or geopolitical nature of human society. Ethical or moral dilemmas serve as a focal point of building both a conceptual foundation, as well as practical implications of risk studies as they relate to digital transformations.

**ARKHIPOVA Nadezhda
Ivanovna**

*Doctor of Economical Sciences,
Professor; Vice-Rector for
Academic Affairs and Head
of Chair of Organizational
Development, Management
Department, Russian State
University for the Humanities*

PAVLENKO Olga

Vyacheslavovna

Professor; Vice-Rector for Research, Deputy Director for International Affairs, Head of Chair of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Department of International Relations and Foreign Regional Studies, Historical and Archival Institute, Russian State University for the Humanities

BAEVA Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Dean, Faculty of Social Communications, Astrakhan State University

The “Death Group” and “The Columbine Community” in Online Culture and Real Society

The conditions of modern online culture cause shifts in the most important spheres of human life, that cause both positive and negative, risk-providing effects. The significant part in forming the outlook and socialization of modern youth is taken by virtual communities, whose role is ambiguous. The virtualization of the communication and lifestyle creates a complex of life-threatening and human security problems, including existential ones, connected with disillusionment and escapism. The object of the study are “death groups” (such as “Blue whale”, “Wake me up at 4.20” and others), which have become popular in social networks in recent years, calling on young people to commit suicide, as well as the so-called Columbine community associated with acts of aggression and murder in educational institutions. The research is relevant due to the series of terroristic acts in schools, occurring during 2018, that had similar mechanisms and appearances. These events, as well as previous, connected with several teenager suicides, caused the wide resonance and were followed by altering the federal laws, connected with media resources.

KEY WORDS

virtual communities, “groups of death”, “the Columbine community”, suicide, crime, copy, media priming.

LEONOVA Liudmila

Arkadyevna

Associate Professor, Department of Mathematical Economics; Supervisor, Academic Program “Economics”, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod

SUCHKOVA Ekaterina

Olegovna

Senior Lecturer, Department of Banking; Deputy Dean, Faculty of Economics, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod

Implementation a Blended Learning Model in Higher Education Using Information Technology

The development of information technology opens up new ways for teachers to interact with students. Massive open online courses (MOOC) and blended learning are new educational technologies that are widely used in both the Russian and global markets. Key features of online education implementation in the system of higher education in Russia is an urgent research question. The article describes the existing possibilities of using online learning technology in the educational process, examines international experience, highlights the strengths and weaknesses. A special place is given to an empirical study of the Russian university students attitude to the MOOC.

KEY WORDS

higher education, online course, MOOC, blended learning.

AFANASEV Sergei Dmitrievich
Postgraduate Student,
Department of Constitutional
and Municipal Law, Faculty of
Law; Lead Specialist, National
Digital Economy Center,
Lomonosov Moscow State
University

**SHATILINA Anastasia
Sergeevna**
Postgraduate Student,
Department of Constitutional
and Municipal Law, Faculty of
Law, Lomonosov Moscow State
University; Chief Expert, Legal
Education Department, Office
of the Commissioner for Human
Rights in the Russian Federation

MOLCHANOVA Olga Ilyinichna
Candidate of Pedagogical
Sciences; Associate Professor,
Department of International
Relations, Mediology, Political
Science and History, St.
Petersburg State University of
Economics

**YEFANOV Aleksandr
Aleksandrovich**
Candidate of Sociological
Sciences; Associate Professor,
Department of Media, National
Research University Higher
School of Economics

**STEPANCHENKO Vladimir
Anatolyevich**
Candidate of Political Sciences;
Media Center Specialist, School
"ScIC 16" (School, Intellect,
Culture)

“Digitalization” of Constitutional Law: Personal and Political Rights in the Information Society

The development of modern society is characterized by a significant impact of information technologies on all aspects of human life, including basic constitutional rights and freedoms. The article deals with the current issues of ensuring rights and freedoms in the digital world. Key trends of the impact of digital world on personal and political rights are highlighted.

KEY WORDS
constitutional law; digital
rights; personal rights;
political rights; realization of
constitutional rights.

Information and Communication Barriers in Media Convergence and Opportunities to Overcome Them

The article deals with information and communication barriers that arise in the teams of modern media, and ways to overcome them, substantiates the substance of “information and communication barriers” and considers their types, provides a summary table of the most common barriers, as well as the results of a survey of the media of St. Petersburg on the subject of identifying information and communication barriers in editorial teams and the nature of their dysfunctional impact.

KEY WORDS
Information and
communication barriers,
overcoming barriers, media
convergence.

The Influence of “Generation Z” on the Functioning of the Media Institute: Prognostic Model

The article proposes a scientific and applied substantiation of modern media consumption trends. Using the method of secondary data analysis, the authors build a predictive model of the functioning of the media institute under the influence of media preferences and media guides of the generation Z – young audience (15-20 years). New types of media production are explicated: content producers and content distributors. Emphasis is placed on enhancing the personalization of content, that specifically addresses the interests and needs of narrow audience segments. It is determined that the “brave new world” of media will require completely different professional qualities from journalists, who will have to gain not only applied (based on creativity), but also technical skills in order to remain competitive in the modern technological paradigm.

KEY WORDS
media, multimedia,
transmedia, journalism,
television, Internet, social
networks, generation Z.

VLADIMIROVA Tatiana
Valeryevna

*Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor; Professor,
Department of Sociology,
Novosibirsk State University of
Economics and Management*

Hackers, Digital Activists and Bloggers: on the Issue of Their Engaging in Countering Extremist and Terrorist Activities in the Internet

Nowadays the development of technologies used by extremist and terrorist groups leaves behind the capabilities of intelligence agencies of states that are engaged in countering information threats. The importance of new social groups increases in the terms of information confrontation: representatives of social groups such as hackers, bloggers and digital activists are to take part in countering information threats. The author proposes to take a closer look at the features of the activities of hackers, digital activists and bloggers in order to research the ways of interaction with them which could provide countering information threats to national security.

KEY WORDS

Internet, countering information threats, hackers, digital activists, bloggers, studies the features of new social groups, national security.

Наши авторы

**АРХИПОВА
Надежда
Ивановна**

Доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой организационного развития факультета управления Российского государственного гуманитарного университета, проректор по учебной работе РГГУ

2506539@mail.ru

В 1974 году с отличием окончила Московский государственный историко-архивный институт по специальности «Документоведение и организация управленческого труда и делопроизводства государственных учреждений». В 1996 году защитила докторскую диссертацию на тему «Управление в чрезвычайных ситуациях». Область научных интересов: проблемы организационного проектирования, управления человеческими ресурсами и управления в чрезвычайных ситуациях.

**АФАНАСЬЕВ
Сергей
Дмитриевич**

Аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий специалист Национального центра цифровой экономики МГУ имени М.В. Ломоносова

sergei.afanasev@digital.msu.ru

В 2018 году окончил магистратуру юридического факультета МГУ, обучается в аспирантуре. Работал на юридическом факультете лаборантом кафедры конституционного и муниципального права. Проходил практику в различных органах государственной власти РФ: Министерстве транспорта РФ, Государственной Думе РФ, Управлении Президента РФ по работе с обращениями граждан, Правовом управлении Губернатора Московской области. Автор (с 2017 года) и редактор (с 2018 года) рубрики «Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного суда России» в журнале «Сравнительное конституционное обозрение». С ноября 2018 года работает в Национальном центре цифровой экономики МГУ. Область научных интересов: государственно-конфессиональные отношения; цифровая трансформация конституционного права; право на обращения граждан в органы государственной власти.

**БАЕВА Людмила
Владимировна**

Доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных коммуникаций Астраханского Государственного Университета
Эксперт Аналитического центра при Правительстве РФ, эксперт Российской академии наук, член Экспертного совета ВАК при Министерстве образования и науки РФ. Автор более 200 научных статей и 6 монографий по проблемам аксиологии, философской антропологии, философии медиа, электронной культуры и изучению социокультурных аспектов развития информационного общества. Член редколлегии международного журнала «Sociologia Luca: журнал социальной антропологии, социальной демографии и социальной психологии» (Черногория), международного журнала «Каспийский Регион: экономика, политика и культура», журнала «Философские проблемы информационных технологий и киберпространства». Участник международных философских конгрессов в Стамбуле, Сеуле, Афинах. Обладатель гранта Шанхайского открытого университета по программе «Лидерство и инновации для будущего открытого образования» (2016).

baevaludmila@mail.ru

**ВЛАДИМИРОВА
Татьяна
Валерьевна**

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
В 2016 году защитила докторскую диссертацию на тему «Обеспечение безопасности в условиях информационной нестабильности общества». Является автором ряда научных трудов, посвященных выработке подходов к пониманию безопасности общества в условиях роста социальных информационных процессов, концептуализации социальной природы информационной безопасности. Область исследований – развитие информационного общества, вопросы информационного противоборства, практики обеспечения информационной безопасности.

vladimirowa.tatiana2018@yandex.ru

**ЕФАНОВ
Александр
Александрович**

Кандидат социологических наук, доцент департамента медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
В 2016 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук на тему: «Моральные паники как фактор социальных изменений». Имеет десятилетний опыт работы на телевидении в должностях ведущего и выпускающего редактора информационной службы. С 2018 года – доцент департамента медиа НИУ «Высшая школа экономики». Специалист в области медиасоциологии. Сфера научных интересов: медиазффекты, технологии медиаманипулирования, история, теория и практика телевидения, политическая коммуникация, медиакультура.

yefanoff_g1@mail.ru

**ЛЕОНОВА
Людмила
Аркадьевна**

Кандидат экономических наук, доцент кафедры математической экономики, академический руководитель программы «Экономика», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород
В 2010 году окончила магистратуру Нижегородского филиала НИУ ВШЭ по специальности «магистр экономики». Участник многочисленных российских и международных проектов. В 2011-2012 гг. приняла участие в исследовательском проекте «Занятость, доверие, удовлетворенность – поиск закономерностей». В 2014-2015 гг. работала младшим научным сотрудником международной научно-учебной лаборатории институционального анализа экономических реформ Института институциональных исследований (ИНИИ). С 2013 по 2017 была организатором ежегодной весенней и осенней школ для студентов и выпускников по экономике и финансам. В 2017 г. приняла участие в научных исследованиях по гранту РГНФ № 17-32-01084 «Роль социального капитала в трудоустройстве выпускников вуза». В 2018 г. принимала участие в научных исследованиях по гранту РФФИ № 18-010-00632 «Эколого-экономическое моделирование влияния последствий изменения окружающей среды на качество жизни населения». В 2014-2019 гг. – член организационного комитета ежегодной Международной конференции "Modern Econometric Tools and Applications".

leonova@hse.ru

**ЛИБИН Александр
Викторович**

PhD в психологии, профессор Джорджаунского университета (Вашингтон, США), ведущий аналитик Учебно-научного инновационного центра Института экономики, управления и права РГГУ (Москва)
Окончил с отличием Российский государственный гуманитарный университет. В 1993 году защитил диссертацию на степень кандидата психологических наук в Психологическом институте РАН. В 1995-1998 прошел докторский тренинг под руководством профессора Льва Веккера в Красновском институте передовых исследований Университета Джорджа Мэйсона (Вирджиния, США). Получил аккредитацию PhD in psychology. В 2011-2013 гг. являлся научным директором Центра виртуальных систем и дистанционного образования корпорации MedStar. Разработанные системы были использованы в обучении более 20 тысяч студентов и в оценке деятельности более 30 тысяч сотрудников. В период работы научным директором Центра методологии научных исследований Консорциума конвергентных наук Джорджаунского университета (2010-2019) руководил разработкой инновационных исследовательских и аналитических программ, метрик для оценки успешности обучения профессионалов, включая руководителей.
Ведущий разработчик методологии социогуманитарных рисков, связанных с глобальной цифровизацией. Руководит разработкой перспективных гуманитарных и психосоциальных интерактивных платформ по оптимизации взаимодействия человека с цифровыми технологиями. Разработчик компьютеризованных психосоциальных программ поддержки принятия решений (Зеркало, 1991), Профессионал (1995), ANAM (Automated Neuropsychological Metrics) (2005), COMPASS (Computerized Assessment of Psychosocial Skills & Competencies) (2008), EMA/LMS (Embedded algorithms for Learning management system) (2013), SYNERGY (Specialized Tutor-Student Matching Service) (2013). Профессор А.В. Либин является научным редактором и учредителем двух действующих международных онлайн журналов (Швейцария и Китай), автором 15 книг на русском и английском языках. Автор и соавтор 175 статей и профессиональных презентаций на английском, русском, японском и испанском языках. Персональный сайт: www.alexanderlibin.com

aviklibin@gmail.com

**ЛИБИНА Елена
Владимировна**

PhD в психологии (США), главный редактор онлайн журнала «Совладание с жизненным стрессом» (Coping with Life Stress) международной издательской корпорации Фронтьерс (Frontiers) (Лозанна, Швейцария), ведущий аналитик Учебно-научного инновационного центра Института экономики, управления и права РГГУ (Москва)
Выпускница Российского государственного гуманитарного университета. Прошла стажировку в Театральном институте имени Бориса Шуккина (Москва) на кафедре актерского мастерства по теме «Психологическая диагностика одаренности и отбор на творческие специальности». В 2003 году защитила диссертацию на степень кандидата психологических наук в Психологическом институте РАО. В 2004-2007 прошла докторский тренинг по специальности «психология совладания» в Джорджаунском университете (Вашингтон, США). Получила аккредитацию PhD in psychology. Организатор международного проекта по взаимодействию человека и робота, создатель инновационного направления «РобоПсихологии и РобоТерапии» (Oxford, 2004). Руководитель международной программы «Совладающий интеллект» (Coping Intelligence) с 20-летним опытом работы в России, США, Японии и Швейцарии. Автор 12 книг и 117 статей по междисциплинарным исследованиям в области совладающего и искусственного интеллекта, алгоритмов разрешения сложных жизненных ситуаций, психологии современной женщины. Сфера научных интересов: сравнительный анализ совладающего и искусственного интеллекта, психология разрешения сложных жизненных ситуаций, роботерапия и робопсихология.
Персональный сайт: www.elenalibin.com

drs.libin@gmail.com

**МОЛЧАНОВА
Ольга Ильинична**

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета

moi.2012@bk.ru

Получив в 1987 году филологическое образование, в течение многих лет работала в сфере журналистики, была редактором газеты, работала на телевидении, до сегодняшнего времени сотрудничает с некоторыми деловыми изданиями Петербурга. С 1999 года является членом Союза журналистов России. В 2006 году защитила кандидатскую диссертацию. Последние 11 лет работает в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете. В настоящее время является доцентом кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории. В круг ее научных интересов входят темы по теории и практике журналистики, в частности, проводится исследование процессов медиааконвергенции и управления ими.

**ПАВЛЕНКО Ольга
Вячеславовна**

Кандидат исторических наук, профессор; проректор по научной работе, заместитель директора Историко-архивного института РГГУ по международной деятельности, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ

pavlenko@rggu.ru

Окончила с красным дипломом исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по кафедре истории южных и западных славян. В 1990 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Концепция славянской взаимности в России и Чехии в 1860-е гг. XIX вв.» в МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1992 г. по настоящее время работает в Российском государственном гуманитарном университете. Почетный работник сферы образования «Российской Федерации» (приказ Министра образования и науки РФ №46 к-н от 06.02.2018). Область научных интересов: современная внешняя политика России 1991-2019 гг., современные международные процессы на трансатлантическом пространстве (политические, социокультурные и экономические аспекты), внешняя политика СССР в эпоху холодной войны. Автор около 150 публикаций, включая около 30 публикаций, изданных за рубежом, в научных изданиях, входящих в том числе в базы данных Scopus, Web of Science, РИНЦ.

**СТЕПАНЧЕНКО
Владимир
Анатолевич**

Кандидат политических наук, руководитель медиацентра, школа «ШИК 16»
В 2010 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему: «Парламентские выборы как фактор трансформации партийной системы России». В медиаиндустрии работает более 10 лет. В послужном списке: агентство «РИА Новости», телеканал «Москва 24», журнал «Большой город», радиостанция «СИТИ-FM». Сфера научных и практических интересов: мультимедийная журналистика, трансмедийное производство, блогинг.

vladimirstep@yandex.ru

**СУЧКОВА
Екатерина
Олеговна**

Старший преподаватель кафедры банковского дела, заместитель декана факультета экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород

esyckkova@hse.ru

В 2017 г. окончила магистерскую программу «Управление в высшем образовании» в Институте развития образования НИУ ВШЭ (Москва). В 2011-2013 гг. – участник проектно-учебной группы «Финансовые рынки и финансовые институты» НИУ ВШЭ (Москва). С 2012 по 2018 годы являлась организатором ежегодной весенней и осенней школ для студентов и выпускников по экономике и финансам. В 2016 году – организатор и модератор открытой дискуссии «Банки и государственная экономическая политика: общность интересов в достижении целей». В 2017 г. стала организатором и модератором открытой дискуссии «Цифровая экономика: мифы, реальность и перспективы». В 2018 г. – организатор и модератор открытой дискуссии «Талантливая молодежь: точки роста Нижегородского региона». В 2018-2019 годах приняла участие в научных исследованиях по гранту РГНФ № 18-010-00232 А "Методология многоуровневой системы диагностики и регулирования финансовой стабильности".

- ФЕДОРОВА Анна Александровна** *Магистр социологии, аспирант факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет* an-f@list.ru
Окончила Санкт-Петербургский государственный университета в 2016 году. Работает младшим научным сотрудником Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук. Область научных интересов: антропология, этническая социология, изучение виртуальных сообществ.
- ЧИЖОВ Дмитрий Вячеславович** *Кандидат политических наук, Институт перспективных исследований Московского педагогического государственного университета (МПГУ)* dima-chizhov@mail.ru
Закончил Ивановский государственный энергетический университет и Северо-Западную академию государственной службы, Московскую высшую школу социальных и экономических наук Академии народного хозяйства при Правительстве РФ.
В Российском университете дружбы народов защитил диссертацию на тему «Российские политические партии как институт гражданского общества и политической системы». Проходил обучение в Институте коммуникационного менеджмента Высшей школы экономики, Школе бизнеса и международных компетенций МГИМО.
В разные годы профессиональная деятельность была связана с политическими, социальными и корпоративными коммуникациями, информационно-аналитической и научно-исследовательской деятельностью, политическим консультированием, взаимодействием с политическими партиями, органами власти, средствами массовой информации, НКО и другими структурами гражданского общества, социальными, образовательными и коммуникационными проектами в общественно-политической и корпоративной сферах.
Автор более 30 публикаций. Сфера научных интересов: интернет-коммуникации, политические партии, политические технологии, аналитика и прогнозирование, связи с общественностью и информационная политика.
- ШАТИЛИНА Анастасия Сергеевна** *Аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; главный специалист-эксперт отдела правового просвещения Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации* a.shatilina@gmail.com
С отличием окончила бакалавриат (2016 г.) и магистратуру (2018 г.) юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, обучается в аспирантуре. В 2017 году прошла полугодовую стажировку на юридическом факультете Мариборского Университета (Словения). С октября 2018 года работает в Аппарате Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Награждена Почетной грамотой Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации и благодарственным письмом Ассоциации юристов России.
Область научных интересов: права человека в цифровом пространстве; ЕСПЧ; персональные данные; право на неприкосновенность частной жизни; репродуктивные права.